

АМТРИН
ЯКОВСКИЙ

ЗНАК ПУТИ

Дмитрий Валентинович Янковский
Знак Пути
Серия «Воин», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156210

Знак пути: Центрполиграф; 2000

ISBN 5-227-00552

Аннотация

Древняя Русь вновь подверглась нашествию. А все богатыри книжеской дружины, как назло, на дальних заставах. И судьбу княжества Владимира Красно Солнышко решают всего несколько мечей, правда волшебных и в очень надежных руках.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
1.	7
2.	21
3.	35
4.	59
5.	73
6.	101
7.	118
8.	133
9.	150
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Дмитрий Янковский

Знак Пути

(Воин-2)

Пролог

Гребцы упирались босыми ногами, скользя по начищенным доскам палубы, весла скрипели натужно, надрывно, унося корабль прочь от опасного берега. Раскаленное солнце нещадно жгло загорелые спины, мигом превращая бусинки брызг в искристые пятнышки соли, струящийся пот разогнал привычные запахи моря, резким духом заполнив пространство от борта до борта.

– Ррррезвей, бесовы дети! – взревел мускулистый кормчий. – Шкуры живьем посдираю!

Он придержал край богатой туники и снова злобно ша-рахнул бичом. Наотмашь, никуда особо не целясь. За кормой широко разбегались круги от падения тела, а отправиться вслед за подстреленным русичем ромей не хотел.

– Что ж за стрелок там такой? – лицо стоявшего рядом воина стало белей морской пены. – С полутора стадий стрелу пустить в самую серединку груди... Может наугад бил, на удачу? Случайно можно и в муху попасть!

– Ага... – кормчий смахнул рукавом пот и настороженно глянул в сторону быстро удаляющегося берега. – На нашем путнике доспех был не хуже твоего. Он тоже случайно проткнулся как яичная скорлупа? Я даже не могу представить, какая сила нужна для такого выстрела.

– И какой лук... – кивнул воин. – Жаль, хороший доспех в воду канул. Зато меч остался.

– Ты на него роток не разевай! – кормчий нагнулся и поднял оружие с палубы. – Путник погиб, мне теперь деньги вернуть надобно.

– Так он же вперед уплатил!

– Половину. Только половину... – задумчиво молвил кормчий, с интересом разглядывая надпись на мече.

Внезапно он услышал то ли далекое пение, то ли размеренный шепот. Звук надвигался, усиливался, но воин рядом даже ухом не повел.

«Перегрелся.» – решил кормчий, усаживаясь у руля. – «Голову надо смочить».

Он зачерпнул из-за борта, поливая с ладошки курчавые волосы, но звук не сделался тише, наоборот облекся в ясные слова.

– Веруешь ли ты, грешный, в Господа единого и истинного? – вкрадчиво молвил Голос.

– Верую... – ошарашено прошептал ромей, нащупав золотой крест под туникой.

– Я глас Его и воля Его, – продолжал Голос. – Ты, греш-

ный, избран для исполнения этой воли. Только исполняя беспрекословно, сможешь обрести царствие небесное. Теперь ты не раб Божий, а надзиратель над всеми рабами, не овца, а волк. Будешь ли нести этот крест с достоинством?

Кормчий тряхнул головой и глянул на облаченного в доспех спутника, словно видел его впервые. Рука крепко сжимала тяжелую рукоять.

Часть первая

1.

Избу заполняла спокойная теплая тишина. Уставшие за день звуки с трудом пробивались сквозь плотно прикрытые двери, теряли силу, остроту и объем. Но за окошком, затянутым бычьим пузырем, бушевала красавица южная ночь, купая в водопадах звездного света голос пробуждающегося леса. Трели сверчков стекали по густой траве к размеренно дышащему в скалах морю, смешивались с редкими вскриками ночных птиц, с тихим, но непрерывным шепотом ветра в густых ветвях. В Таврике лес никогда не бывает безмолвным – ни в редкую зимнюю стужу, ни в густой летний зной.

Микулка уселся за старый, надежный, грубо сколоченный стол, и язычок масляной лампы задрожал в его темных глазах. Желтое сияние высветило знакомые стены, укрытые пеленой полумрака, застарелую копоть, отбросило по углам ночные шорохи и лохматые тени. Дом по прежнему дышал спокойствием и уютом, радостно принял вернувшегося отрока, укутав позабытым за полный год странствий запахом оседлости. Может именно этот запах, остающийся в дальних закоулках памяти, придает витязям силы в бою? Наверно именно он разнит степняка-печенега с землепашцем-ру-

сичем. И если печенегу нужно прорываться вперед пока ноги держат, не жалеть сил для движения к новым пастбищам, то русич должен еще и вернуться. К жене, к ребятишкам малым, к родному порогу. Потому-то Боги и даровали русичу сил больше, чем десятерым печенегам.

Бычий пузырь оконца переливался багряными сполохами, отражая полыхавший возле избы костер, Микулка вынырнул из невеселых раздумий, расслышав ввалившийся снаружи богатырский хохот Витима. Тьфу ты... От такого не то что из раздумий вынырнуть можно – из портков выскочишь с привычки.

Ладно... Сколько не думай, а решение принимать все одно придется. Пусть конь думает, у него башка огромная, а человек славен делами. Сколько ни думай, а ежели не сумеешь мысль свою передать другим, научить, помочь, то в копейку цена таким мыслям. Микулка подхватил Кладенец, закинул за спину на кожаной перевязи и скрипнувшая дверь выпустила его под выгнутый купол ночного неба, до черноты вылизанный языками костра.

– Ну наконец-то! – пророкотал зычным басом слегка захламевший Витим. – Чего ты бродишь как леший по лесу?

Лицо воеводы покраснелось, заросшее короткой черной бородкой, а ворот широкой белой рубахи распахнулся навстречу теплоте дыхания вечера.

Вокруг костра разместились вся небольшая дружина – соратники, с которыми удалось остановить само Зло на ночном

Перевале. Лениво развалился в траве Ратибор Теплый Ветер, возле него лежал огромный лук и колчан полный стрел. Охотский кафтан, не мало на своем веку повидавший, был аккуратно вычищен к Микулкиной свадьбе и теперь отливал густой синевой, сливаясь с ночью. Стрелок отрешенно жевал ломоть мяса и было видно, что это не первый кусок в этот вечер, но судя по уверенным движениям челюстей – далеко не последний. Рядом Волк, затянутый в грубую черную кожу, пощипывал струны заморской лютни, темное дерево пело словно живое, легко прилаживая музыку к словам новой песни, в ногах пристроился узкий меч, сверкающий железом небесного камня.

Сершхан, едва зажившими от колдовского огня руками, нанизывал ошипанных куропаток на вертел, изогнутая сарацинская сабля оттягивала пояс причудливо расшитого халата, но цвет глаз и светлые волосы безошибочно выдавали русича.

Только тут, в собственном доме, Микулка наконец хорошенько пригляделся к новым друзьям, до этого в кутерьме событий они мелькали рядом как бесплотные тени – даже возраст угадывался с трудом. Странные они... Будто душа каждого спрятана под незримым пологом, только у Волка порой вырывается на белый свет, когда поет свои дивные песни.

Но теперь видать многое... Видать глубокую жизненную усталость Витима, да он и старше всех, уж за тридцатую вес-

ну явно минуло. Видать молодую горячность Волка, пытающегося выглядеть старше, хотя едва двадцать третье лето встретил. Ратибор с Сершханом чуть младше Витима, но скрытности в них поболе, Сершхан так и вовсе как не от мира сего – весь какой-то неприметный, о нем вспоминаешь только когда говорит.

Микулка тихонько подошел к самому костру и Витим, не вставая с земли, шутливо хлопнул его по плечу:

– Уж на собственной свадьбе посидел бы! – не унимался воевода, влажно поблескивая хмельным взглядом. – Эх... С такой-то невестой рядышком! Ну, Микула, казывай чего надумал. Когда отправляемся?

Дива улыбнулась, довольная похвалой, и даже в неверном свете огня стал заметен румянец, заливший прекрасное, как сама эта ночь, лицо. Она нежно обняла подошедшего Микулку, прильнув к нему всем телом.

– Уже не невеста! – гордо заявила девушка. – При вас ведь клятву Леле давали! Значит он муж мой, а я ему жена!

Паренек улыбнулся, но черточки грусти еще мелькали в глазах отголосками мыслей. Он не осознавал, что решение уже принято, принято в полдень этого дня, когда у идола Лели в Сурожке нарек он Диву своей женой. Теперь уж не мог, не имел права, распоряжаться жизнью только по собственной воле.

– Я остаюсь. – чуть дрогнувшим голосом молвил Микулка. – Тут мой дом. И семья моя здесь. Не для того Боги да-

ровали жизнь человеку, чтоб проводить ее в странствиях и нескончаемых битвах. Наоборот, и странствия, и битвы нужны лишь затем, чтоб проложить дорогу к своему счастью.

– Ну, конечно... – сощурился Витим. – Ты свое счастье заслужил... А мы, сырые, пойдем дальше, приносить свое в жертву чужому. Неужто после всего пережитого сможешь на печи лежать, о бабий бок греться? Столько дел впереди, а ты аки трусливый пескарь зарываешься в теплый ил. Не ждал я от тебя такого, не ждал...

– Так что, – с досадой вздохнул Микулка, – Все, кому вы счастье добудете, не достойны его? Они-то на печи лежат, не стесняются...

– Они не воины! Весь этот люд другими делами занят, чтоб мы могли за его счастье биться.

Сершхан укрепил вертел на суковатой рогатине и решительно поднял взор.

– Мне кажется, ты не прав, Витим. – тихо молвил он. – Это мы бьемся, чтоб они могли свое дело делать. Никак не иначе. Я видал степняков, жил с ними, знаю чем они дышат. Вот у них все для битвы, для движения вперед. Нет ни своей земли, ни дома, но нам ли на них ровняться? Нам ли жить одним днем? Пусть остается Микула, он действительно заслужил свое счастье. Мы же себя просто еще не сыскали.

– Не знаю... – пожал плечами воевода. – По мне мужчина без войны, все равно как баба без приплода. Пустоцвет.

Это больно ранило Микулку в самое сердце. Витим не

очень-то выбирал слова, выражая бурлившие чувства воина, но не они задели, а едва различимая правота, скрытая в этой мысли. Было что-то недостойное в сидении за надежными стенами уютного дома... Словно ухватив у жизни заслуженную награду, боишься ее утратить, а потому силы, могущие пойти на доброе дело, остаются и скудеют без всякого проку.

За спиной паренька отдыхал в ножнах верный Кладенец, он тоже спал после тяжких битв, но был готов по первой надобности выскочить, шелестя отточенной сталью, и стать на защиту всего, во что верил молодой витязь. В этой спокойной готовности было спасение самооправдания, но не этого искал Микулка, а верного решения, может быть даже подсказки. Но души бывших владельцев старинного меча безмолвно затаились в булате, хотя раньше их таинственный Голос не раз выручал, когда у самого не хватало опыта и умения. Теперь он звучал редко, заставляя и позволяя принимать решения самому, но именно сейчас мудрый совет был нужен как никогда.

– Да ладно вам дуться друг на друга! – с набитым ртом пробурчал Ратибор. – Заняться что ли нечем? Вон сколько еды!

Витим махнул рукой и снова налег на добытый в Сурожье мед, а Микулка отбросил сомнения понимая, что не себя боится лишиться заслуженного счастья, а молодую жену, которая не меньше его выстрадала право пожить спокойно. Мало ли она сделала, мало ли пережила, чтоб быть рядом с ним? Как

же можно теперь бросить ее, отправившись в невесть какие дали? Или таскать ее за собой по пыльным дорогам заросшей дремучими лесами Руси, подвергая опасностям дальних странствий. Да и зачем? Когда Громовник, посланник Зла, выступил против целого света, никто из Дружины не дрогнул, никто не подумал о себе. Надо было остановить Зло и они сделали это, хотя каждый мог не вылезать из сытого Киева. Теперь же Громовник мертв, рыб собой на дне морском кормит, а Зло снова отброшено далеко за студеное море. Можно и дух перевести. Если враги побеждены, зачем отыскивать новых? В этом ли человечье счастье?

– Все же я остаюсь... – уверенно молвил Микулка и взгляд его полыхнул отсветом пламени. – Хочу побыть с Дивой. Люба она мне! Не хочу променять ее и на все радости мира.

– Это верно. – серьезно кивнул Сершхан. – Самое верное решение всегда то, которое исходит от сердца.

– И то, – перебирая струны вставил Волк, – Которое самое доброе. Стоит, наверно, сложить песню о витязе, оставившем воинский путь ради своей любимой. Ладная выйдет песня.

– И что толку с такой? – сморщился Витим. – Песня должна призывать к чему-то, а от этой только слезы у девок в три ручья. Хотя может от сырости грибов станет больше – какой никакой все же толк. Спел бы лучше о том, что сколько врагов ни бей, а меньше их не становится, что Зло только силушкой одолеть можно, а не вздохами и ахами, и не кре-

стьянской сохой. Вот то будет песня...

Волк пропустил это бурчание мимо ушей, привык за долгое время к привычкам воеводы. Но разговор не клеился, каждый думал о своем, глядя в багряные отсветы раскаленных углей, все понимали, что попрощавшись с Микулкой, прощаются с частью себя.

Полутру четверо витязей снарядили коней и провели их по залитой росой тропе к Велик-Камню, оттуда путь на запад, в ромейский Херсонес. Микулка пошел тоже, не в силах вымолвить слова прощания, но у Велик-Камня остановился, невыразимая грусть наворачивала на глаза горькие слезы.

– И куда вы теперь? – спросил он, чтоб только не молчать.

– Куда? – пожал плечами Витим. – Дел ведь по горло! Колдовской меч Громовника остался с ромеями, его нужно сыскать, пока бед не наделал. Это главное, потому как самое опасное. А там поглядим.

– Ну что ж... – склонил голову паренек. – Доброго вам пути!

Он повернулся и не оглядываясь зашагал вниз, лесная тропка услужливо стелилась почти до самой избушки, постепенно теряясь в густой траве, а в памяти надолго засел удаляющий стук копыт. Микулка пересек поляну с еще дымившимися остатками праздничного костра, остановился у самой избушки и вдруг взглянул на все совсем другими глазами. Мрачные мысли отступили точно так же, как затих да-

леко на западе конский топот, стало ясно, что все невзгоды и горести остались позади или хотя бы в стороне, а впереди только радость, добро и любовь. Он улыбнулся, распахнув дверь настежь и ароматы утреннего леса ворвались в дом вместе с солнечным светом.

Дива вздрогнула от скрипнувшей в сенях двери, но Микулка радостно взглянул на лежавшую под одеялом девушку, подошел, улыбнулся.

– Что с тобой, милая? – ласково спросил он, беря ее за руку.

– Я... Я боялась, что ты не вернешься! Для витязя всегда находится что-то важнее тихого счастья.

– Ну уж нет! – рассмеялся он. – Не для того я столько ждал этих дней, чтоб все бросить, едва достигнув желанного. Не уйду от тебя, не брошу... Ты мне люба больше солнышка ясного!

– И куда твои друзья отправились?

– Знамо куда – за Витимом... Кажется он решил все зло на свете извести за одну свою жизнь. Верный друг и славный вой, но порой мне кажется, что битва для него уже не достижение цели, а сама цель. Что-то в нем надломилось, а что и когда, мне не ведомо. Но однажды мы попали в нехорошую переделку из-за необдуманности его шагов. Еле выбрались...

– Теперь он решил вернуть Камень?

– Нет, Камень его волнует мало. Спрятан надежно, а боль-

шой нужды в нем нет. Витим больше озабочен колдовским мечом, что остался от Громовника. Ты ведь всего не ведаешь...

– Ну так расскажи! Может и я чем смогу подсобить.

Микулка стянул сапоги, скинул уличную одежду и залез на печь, устроившись рядом с Дивой.

– Про мой меч ты знаешь. Он держит в себе души витязей, которые бились им во все времена. И они говорят со мной, сама слышала. Помогают, наставляют на верный путь. Правда я этот Голос слышу всегда, а другие только когда Кладенец того хочет. Но ты не знаешь, что такой меч не один.

– Не один? – искренне удивилась Дива.

– Да, их много. Но сколько именно, ни кто не знает. Одно скажу точно – и у Ратибора, и у Волка, и у Витима такие мечи. Даже сарацинская сабля Сершхана носит в себе души бывших владельцев.

– Но ведь мечи у всех разные! У Волка совсем старинный, выкованный еще когда люди железа не знали и делали булат из небесных камней, у Сершхана вообще сабля.

– Верно, разные. Да только есть на них одна примета – надпись. На каждом мече она разными письменами писана, но смысл всегда один.

– «И ты вместе с нами». – вспомнила девушка. – Что это значит?

– Что и моя душа после смерти оживет в этом булате. Но не только... Все мы чувствуем, что прошли до встречи ка-

кой-то похожий путь, да и сама встреча не случайна... Словно все, носящие эти мечи, являются частью чего-то большого и важного. И надпись как напоминание, что наша жизнь не принадлежит нам самим, а предназначена для чего-то пока неизвестного. Один мудрый волхв поведал, что такие мечи может ковать лишь тот, кто имеет власть над душами мертвых, а власть эту дает Камень, похищенный Громовником. Теперь Громовник мертв, Камень так и остался в Рипейских горах, но не это главное, а то, что в своих странствиях он как-то попал в злые руки. Понимаешь, у Громовника был такой же меч, как у нас, только злой, дающий недобрые советы и наставляющий на путь Зла. Он и есть орудие Зла, как наши мечи и мы сами стали орудием Добра в этой бесконечной битве неизвестных сил.

– И теперь этот меч... – закусила губу девушка.

– Остался на ромейском корабле. – кивнул Микулка. – Не известно, где и когда его кто-то найдет и чем это может кончиться. Потому Витим не откладывая повел дружину на поиски.

– И ты не пошел с ними? – дрогнувшим голосом спросила Дива, понимая, чего стоило мужу такое решение.

– Да. Я верю в то, что вещь, пусть даже говорящая, не имеет власти над человеком. Тот, у кого Зло в душе, найдет в мече поддержку, но и без него творил бы худые дела. А если человек идет по пути Добра, никакая говорящая железяка не остановит его, не свернет в сторону.

– Все таки этот меч опасен для нестойких душ. – поежилась девушка. – Мало ли он может наплести своему новому владельцу?

– Вот когда будет враг, тогда и надо с ним биться. Пока меч один, он не так уж и страшен. Камень гораздо опаснее, потому как если он снова попадет в злые руки, то кроме дружины Добра появится и дружина Зла. Вот это будет действительно худо.

Микулка умолк, стараясь успокоиться после всех тревожений недавних дней, а Дива обняла его и прижалась всем телом. Это ли не счастье? За такое точно стоило биться.

Молодой витязь уже не сомневался в правильности своего решения.

– А что ты мне хотела сказать после свадьбы? – вспомнил он вдруг. – Помнишь, еще в Киеве отец твой рек, что нам придется жить не по людским законам. Други уехали, теперь нам никто не мешает. Поведай, отчего отказаться придется ради твоих милых глаз. Или условие больше не нужно?

– Нужно, Микулушка... Нужно. – вздохнув молвила девушка. – И не моя это прихоть, даже не отца моего. Не одному тебе отказаться придется от того, что другие мужья получают с женою, но и мне долгие годы нельзя жить привычной жизнью. Понимаешь, мы с тобой разного рода... В моих жилах половина крови Богов, половина людской, а в тебе вся людская, лишь капля божьей. Потому нам нельзя сочетаться обычным союзом, потомство будет ущербное. А чтоб не слу-

чилося такого, нужно пройти три испытанья тебе и три мне, выполнять каждому по три условия пока не минут семь лет.

– Всего по три? – улыбнулся Микулка. – От этого не по-мрем. И какие же?

– Я не могу семь лет собирать вместе четыре ветра, остри-гать волосы и оборачиваться птицей...

– Ну а я?

– Тебе нельзя брать меня как жену, брать других женщин, а еще нельзя даже краешком глаза взглянуть, как я расчесы-ваюсь. Семь лет.

Улыбка медленно сползла с лица паренька.

– Семь лет? – непослушными губами переспросил он. – Тяжкое условие. Если не смотреть как ты расчесываешься еще можно, то остальное...

– Ты ведь обещал выполнить все.

В слова Дивы вкрались холодные нотки, словно две льдин-ки одна о другую звякнули, хотя голосок так и остался спо-койным, даже тише сделался нежели прежде.

– И выполняю... – так же тихо отозвался Микулка. – Не потому, что цену честному слову знаю, а от того, что люблю тебя больше жизни... Не смогу без тебя! А что от утех? Маята одна. Ты мне мила не только как девка, знаешь сама. Гораздо хуже, что ты горлицей обернуться не сможешь.

– Ты правда так думаешь?

– Правда, любимая! Иди ко мне, хорошая ты моя...

Микулка прижал к груди девичью голову, глаза сами за-

жмурились от пряного аромата волос, руки гладили, гладили мягкие теплые пряди.

– Зато через семь лет, – шепнула Дива. – Рожу тебе сына. В нем капля крови Богов будет больше и жарче той, что горит в жилах всех смертных. Вся твоя сила в нем возродится, еще и пополнится.

2.

– Ромеи с мечом ушли на заход. – остановив коня молвил Витим. – Значит и нам туда. Проще всего нанять корабль и вдоль берега пройти до тиверских земель. Меч не песчинка, наверняка про него услышим.

– Тогда проще идти вдоль берега, а не плыть. – пожал плечами Сершхан. – Больше весей пройдем, больше узнаем всякого.

Лес вокруг поредел, все чаще попадались освещенные солнцем поляны, а ветер был едва ощутим, тянул с запада прохладу и соленую свежесть. Витязи остановились на восточном склоне Покат-горы, за которой белокаменный Херсонес высил неприступные стены.

– Вы оба правы. – примирительно сказал Ратибор, хорошо знавший эти места. – Морем идти проще, а посуху больше выведаем. Поэтому чтоб зазря зад об седло не морщить и попусту не болтаться по синим волнам, нужно немножко подумать. Ромеи могли пойти в Царьград, а могли по Днепру подняться до Киева, но уж в любом случае к тиверцам они не пойдут.

– Это почему? – усомнился Витим.

– Потому, что Громовник был их единственным грузом. Ромей – человек практичный, он не станет идти куда-то без пользы. Когда наш ворог свалился за борт, они здорово стру-

сили и возвращаться в Херсонес не стали, убоялись встретиться с нами. С перепугу могли рвануть и в Царьград, все таки там все свои и укрыться не сложно. Если так, то нам их уже не достать, по крайней мере сейчас. Тут уж точно придется ждать, когда меч себя как-то проявит. Но практичность в ромеях гораздо сильнее трусости, зачем им идти в Царьград без товара? И уж тем более дальше Днепра им делать нечего. Они пойдут вверх по реке, скорее всего до самого Киева или пока не найдут подходящий товар.

– Вилами по воде писано! – сплюнул в траву воевода. – То ли туда, то ли сюда... Куда захотят, туда и пойдут! У них сто дорог, а у нас только та, по которой они двинулись. По моему, в этих торгашах трусость гораздо сильнее жадности. Всех денег на свете не заработаешь, это даже они понимают, а если сдохнешь, то пропадет уже нажитое. Нет, они пойдут в Царьград. И нам туда нужно. Походим, послушаем... Наверняка найдем то, что ищем. А уж добывать не нам учиться!

– Ты их жадность не уменьшай, а трусость не преувеличивай. Ради выгоды они пускаются в очень опасные странствия, а порой и гибнут. Не скажу, что ромей за копейку кинется головой в омут, но мимо оброненной точно не пройдет.

– Это ты о чем?

– О мече. Им он нужен как тонущему булыжник, они не воины. А вот продать его будут рады.

– Меч можно продать и в Царьграде... – скривился Витим. – Эка невидаль! Добрую сбрую можно сторговать где

угодно.

– А вот и нет! Какой меч у Громовника?

– Германский, судя по ране у девки...

– Ага! И кому он нужен в Царьграде? Там ведь мечи носят только на службе. Царьградские жители слишком вольготно себя чувствуют, чтоб тягать железо у пояса. А воинам и страже германский меч ни к чему, у них должны быть мечи ромейские, такой уж обычай. А вот в Киеве, или в какой-нибудь днепровской веси, продать такое оружие можно с хорошей выгодой. А потом там же купить товар и везти его домой. Хочешь найти ромея – ищи выгоду.

– Верно! – согласился Сершхан. – Нужно дойти до Днепра морем, а там поглядим.

– Ладно, лешак с вами. Значит пойдем напрямиком до Днепра. Денег вот маловато... Хватит ли на найм корабля?

– Меньше надо было на мед тратить... – не сдержался Волк. – Но можно продать коней, не тащить же их на корабль.

– И то верно. Тогда в путь!

Они пустили коней скорой рысью и быстро поднялись на вершину Покат-горы, с которой открывался сказочный вид на мраморный город и море. Лес кончился, теперь небольшой отряд виднелся на западном склоне как солнце в небе, разве что не светился. Витязи спустились к распахнутым высоченным воротам, вдвое больше киевских, и настороженно двинулись внутрь.

Широкий проход в стене встретил тяжелой нездоровой сыростью, не столько освежающей, сколько, не смотря на густую тень, удушливой и липкой. Все тут было чужим и каким-то враждебным, камень подчеркивал не столько величие, сколько хмурую тяжесть построек – это не теплое дерево русских теремов! Стена давила землю удивительной толщины, шагов пятнадцать, не меньше, в проходе веяло не только мрачной сыростью и духотой, но и здорово пахло застоялыми нечистотами. Лишь снова выехав на яркий солнечный свет, друзья вздохнули свободней.

– Ни стражи на входе... – несказанно удивился Волк. – Ни мыта не берут... Ну и народ!

– Стражи нет по понятной причине. – пояснил Сершхан. – Какой дурак попрет на такой город напуском? Разве что русич. Еще, глядишь, и осаду устроит. Нас величием не остановить, а вот другие боятся одного лишь неприступного вида.

Ратибор согласно кивнул и добавил:

– А мыта не берут из выгоды. Если не брать, то в городе будет толочься больше народу, а коль так, весь этот люд оставит на базаре не мало денег. И торговцам радость, и в казну серебро, потому как всякий торговец подать платит.

– Тьфу ты... – улыбнулся Витим. – Что за народ? Все не как у людей. Сняли бы тогда ворота к Ящеру... Сколько железа пропадает!

– Ворота только от нас. – серьезно сказал Ратибор.

– В смысле? – не понял воевода.

– От русичей.

Город просто поражал своим грузным, навязчивым великолепием – деревянных домов не было вовсе, многие сложены из тесанного камня в два-три поверха, а были громады и в четыре поверха, светились белоснежным мрамором.

– Как они воду наверх тягают? – изумился Витим. – Скорячиться ж можно...

– В домах, что попроще, это дело невольникам поручено, – объяснил Ратибор, – а в те, огромные, идут по земле желоба и свинцовые трубы, ведут воду прямо в дом из-за города.

– Теперь ясно, отчего ромеи такие тупые. – басисто хохотнул воевода. – Еще прошлому нашему князю волхвы баяли, чтоб не вставлял в терема ромейские стекла цветные, они ведь друг за дружку свинцом держатся, а от него дух – отравя.

Друзья улыбнулись грубоватой шутке и поехали по широкой мощеной улице к морю. На них глядели подозрительно и хмуро, откровенно сторонились вооруженных всадников, одетых чуждо и странно. Витим надменно задрал подбородок и даже в глазах Волка светился несвойственный ему огонь превосходства.

Торговля велась всюду – не только на базарной площади, но и прямо на улицах, в тени домов. Предлагали вино из огромных амфор, горячую снедь прямо с жаровен, све-

жую рыбу, искрившуюся серебряной чешуей. Все жило, сустилось, пахло дымом, морем и выгодой.

– Чего они на нас глядят как на варваров? – неодобрительно фыркнул Волк.

– А мы для них и есть варвары... – задумчиво молвил Сершхан, расправляя крепкие плечи. – Дикие, немытые, с оружием. Они хоть не носят железа, но страшатся не столько наших мечей, сколько вольного духа, который для их огромной Империи – верная гибель.

Народ сновал по своим делам, мелькал, сустился, базарная площадь издалека подзывала гулом голосов и звоном железа, крики чаек вторили выкрикам рьяных торговцев.

– Ну что, для начала конячек надобно сторговать... – огляделся Витим. – Поехали к базару, там люду больше. Ратибор, ты ромейское слово разумеешь добре, на тебя вся надежда. Тока смотри, чтоб не надули басурмане проклятые.

– Его надуешь... – из под бровей улыбнулся Волк. – Сам три шкуры сдерет хоть с самого Ящера.

Они спешили у края базарной площади и уж было собрались провести коней сквозь пеструю толпу к торговым рядам, но высокий сухопарый ромей, в расшитой золотом тунике, остановил их движением руки.

– Русичи? – почти утвердительно произнес он.

– А что, похожи на немцев? – съязвил Витим, здорово удивленный тем, что с ними заговорили на родном языке.

– Если торговать, то платите подать за место. С каждого

человека четыре монеты.

– А с коней сколько? – хитро прищурился Ратибор.

– Ни сколько. Что мы, шкуродеры? Нам без разницы, что грек, что русич. С человека берем подать, с товара нет.

– Вот и ладно. Держи четыре монеты.

– А с остальных? – ромей даже лицом больше вытянулся. – Я же с вас полтора десятка монет насчитал!

– Переживешь. Мы тоже честные. Я пойду торговать, а други пока к морю пройдутся, нам кораблик нужен, может подыщут чего.

– Но... У вас четверо коней! Это же сколько места займется... Платите тогда четверную цену.

– Так вы же не шкуродеры! – чуть ли не рассмеялся стрелок. – С товара мыто не берете.

Ромей стиснул зубы, но достойный ответ не сыскал, взял четыре монеты и прислонился в тени каменного столба, его цепкий взгляд зорко высматривал возможную жертву. Другам показалось, что в следующий раз он не станет бахвалиться ромейской щедростью, а попробует содрать с немых варваров сколько сможет.

– Жаль... – сочувственно вздохнул Волк. – Он теперь с русичей попробует мыто и за товар брать...

– А чего жаль? – не понял Сершхан.

– Его зубов...

Они оставили Ратибора с конями на торжище, а сами двинулись к морю, выведать сколько может стоить найм кораб-

ля. Погода стояла жаркая, но легкий морской ветерок не давал воздуху сделаться душным, приятно шевелил волосы и шумел в ушах ласковой пеной прибоя. Пахло солью, прелыми водорослями и медленно уходящим летом. Море искрилось у берега тысячей бликов, а дальше, упираясь в виднокрай, наливалось холодной густой синевой, вызывая что-то похожее на почтительный страх.

– Дальнего берега совсем не видать... – поежился Волк не смотря на жару. – И долго так плыть?

– Смотря каким ходом. – пожал плечами Сершхан. – Но в море есть такие места, когда земли не видать вовсе. Ни с одного края, ни с другого. Только седые от пены волны кругом.

Волк еле заметно вздрогнул.

– Может мы поспешили коней продавать? Если посуху пойдем, гораздо больше про меч выведаем!

Витим косо взглянул на соратника.

– Выведасть-то выведаем, да вот сколько времени даром уйдет? Нет. Решили, так решили – до Днепра пойдем морем!

Волк возражать не стал, но обычная перед дальней дорогой радость на лице омрачилась, смазавшись тенью озабоченности.

От нечего делать купили еды на приморской улочке и пошли к причалу, вылезшему в море на добрых два десятка шагов. Пока друзья швыряли в прозрачную воду белесые от соли голыши, Витим умудрился поссориться с кормчими двух

кораблей, вернулся потный, раззадоренный и злой как упустивший добычу зверь.

– Охренели совсем... – хмуро уселся он у кромки воды. – Заломили такую цену, что легче вплавь переплыть, чем столько платить за корабль.

После полдня ветер сменился и подул в сторону моря, принося с собой пряный запах трав и сырого леса. Но временами нес и запахи города – душные, смрадные, неживые. Ратибор вернулся довольный, без коней, но с туго набитой калитой.

– С ромеями торговать – одно удовольствие! – похвастался он. – На их жадности можно заработать куда больше, чем на их трусости.

– Решил торгашом стать? – зло пошутил Витим, недовольно хрустя пережаренной лепешкой. – Тогда для начала тунику прикупи, а то в русском кафтане скоро тесно станет.

– Чего ты дуешься? – испортить стрелку настроение было сложно. – Тухлую рыбу в лепешке нашел? Не серчай, тут такое бывает. Товару много, иногда залеживается...

– Знаешь сколько с нас за корабль содрать удумали? – уже серьезно нахмурился воевода. – Две сотни монет!

– Четыре гривни? – не поверил своим ушам Ратибор. – До Днепра? Они что, все тут тухлой рыбы объелись? Чего стали, ведите к этому умнику!

Большинство кораблей качались на волнах в сотне шагов от берега, вцепившись в каменистое дно бронзовыми якоря-

ми, и только два суденышка поскрипывали канатами у самого причала. Одно из них пустовало после резвого напуска Витима, а на другом широкоплечий ромей покусывал стило, разглядывая вощенную дощечку. Он хмурился, то и дело вычеркивая что-то, потом сплюнул за борт и швырнул записи вслед за плевком.

– Вычеркивать стало нечего? – по-гречески спросил стрелок. – Или места для записей не осталось?

– Прежде чем поддевать. – на прекрасном русском ответил мореход. – Выучил бы язык получше. Надумали плыть?

– А это от тебя зависит. – скривился Ратибор, переходя на родной язык. – Лучше расскажи, что случилось. Неспроста ведь цены до небес подскочили! А коль даже за такую плату желающих выйти в море не много, значит дело серьезное. Сказывай, может поможем друг другу.

– Чтоб я ромеям помогал? – начал было Витим, но Сершхан пихнул его локтем, и воевода смолк, злобно шикнув.

Ромей сверкнул глазами, но тоже умерил свой пыл и сказал упавшим голосом:

– Коль по чести, никто ничего толком не знает. Известно, что три корабля, ушедшие в Константинополь, не добрались до цели, а два других должны были прибыть в Херсонес к нынешнему утру, но не дошли и к полдню. Город еще спокоен, но мореходы выходить отказались, требуют снарядить боевые корабли, поглядеть что к чему.

– Ясно... – нахмурился протянул Ратибор. – Значит беда.

Но ты сам той беды убоился не очень...

– У меня жена и пять ребятишек. Мне их кормить надо. Думаешь просто так жадный ромей решил с вас три шкуры стянуть? Если загину, будет семье хоть какое подспорье.

– Да ну? – удивленно поднял брови стрелок. – С каких это пор ромеи что-то творят во славу рода? Ваш бог велит принимать все как есть, не перечить ему, ведь на все его воля. Загинут твои ребятишки, значит так тому и быть...

Хозяин корабля стиснул кулаки и шагнул навстречу обидчику, но Ратибор только рассмеялся ему в лицо.

– Вскипел аки котелок на огне... Погоди, головой подумай, а не сидячим местом. Ну загинешь ты за две сотни монет, хватит их на год твоей вдове и детишкам, а дальше что? Им кормилец нужен, дурья твоя башка!

– Я не могу не плыть! На что тогда вообще семейство кормить? Ничего, подожду нанимателя побогаче вас, кроме меня выйти в море никто все равно не осмелится.

– А если мы предложим дело получше?

– Например?

– Пойти задаром. – серьезно сказал Ратибор.

Ромей совершенно опешил, заготовленное возражение прилипло к похолодевшим устам.

– Ну, не задаром конечно, – продолжил довольный собой стрелок. – Но за обычную плату. Зато мы поможем тебе раз узнать из-за чего корабли не проходят. Узнав это, заработаешь куда больше денег, чем выколотишь с нас. Вернешься

героем. Понимаешь, нам обидно платить две сотни монет, когда мы знаем, что все равно переждем любую опасность и дойдем до цели. Согласен?

– Да кто вы такие? Проходимцы... С чего я должен поверить, будто вы любое лихо одолеть можете? Ступайте откель пришли!

Ратибор широко усмехнулся, глубина серых глаз осветилась искристым озорным светом.

– Доказать, значит? Это мы можем. Витимушка, давай покажем на что мы способны.

– Перед ромеем хвастать? – воевода даже покраснел от злости. – Хрен вам без соли!

– Ну не заради денег. – усмехнулся Ратибор Теплый Ветер. – Заради справедливости!

– Иди ты... Хотя ладно, пусть знают кого ободрать решили. Давайте, други, вспомним ту штучку, которую показали хазарскому хану. Кажется она ему по нраву пришлась, по крайней мере от набега он тогда отказался. Начали!

Изумленный такими словами ромей и вовсе остолбенел, когда в мгновение ока Ратибор остался на деревянном причале один, а его соратники словно просочились сквозь плотно пригнанные доски. Огромный лук будто сам прыгнул в руки, трижды щелкнула тетива, хлыстом разорвав полденный зной, стрелок закинул оружие за спину и прыгнул с пирса, но вода не отозвалась всплеском, только высоко в небе кувыркались три скрещенные стрелы, пробившие одна дру-

гую. Они падали прямо на доски причала, свистя в воздухе перьями, но в миг, когда поравнялись с головой ромея, из под причала ветром рванулся Сершхан. Сверкнула кривая сабля, разрубив одно древко вдоль на равные половины. Они с треском разлетелись в стороны, но не упали. Совершенно одновременно причал вспучился двумя проломами – из одного появилась, схватив обломок стрелы, могучая рука воеводы, а из другого сверкающий неземным светом меч Волка. Обломок стрелы коснулся лезвия и замер, наколовшись на отточенный булат. Тут же меч и кулачище Витима скрылись из виду, а все четверо как ни в чем ни бывало выскочили на причал и стали друг возле друга пред очами ромея. На лицах играли довольные усмешки, одежда сухая, словно не прыгали тут, а вяло прогуливались по улицам жаркого города. Даже не запыхался ни один...

Хозяин поглядел на брошенные к ногам обломки стрел, вытер со лба холодный пот и медленно сел, опершись рукой о просмоленный корабельный борт.

– Варвары... – только и вымолвил он непослушными губами.

До этой минуты он считал, что самой грозной силой во Вселенной является слаженное, работающее словно машина, Имперское войско, ведомое мудрыми, опытными стратегами. Но это... Грязные, ободранные, пропахшие потом, страшные, как лунная ночь на болотах и быстрые, как сама смерть. Кормчий побледнел даже не столько от увиден-

ного, хотя и представить такого не мог, сколько от жуткой мысли – что же будет с этим миром, если подобные варвары перестанут грызться между собой, объединятся и удумают немножко расширить владения. Просто так, от невостремленной удали, заради восхищенных взглядов женщин и на зависть друзьям. Не ради власти, не ради денег, что самое страшное... Все же мудрости Господней нету предела! Эти звероподобные и живут словно звери – грызутся меж собой больше, чем кусают других, а мирятся только когда враг уже в двери стучится. А грызутся из-за чего? Друг убивает друга из-за прекрасных девичьих глаз, словно баб в округе мало... Зверье... Только вид человеческий, да и то не очень.

– Эй, ты там живой? – тронул его за плечо Ратибор. – Ну что, согласен отплыть с нами? Деньги у нас с собой. Ну?

Ромей медленно поднял взор.

– К Днепру? Да. По крайней мере пиратов с вами можно не опасаться. Меня зовут Константин, я и владелец, и кормчий этого судна. С вас полсотни монет, еду берите свою.

– Сколько ходу до Днепра на твоём корабле?

– При добром ветре доберемся к завтрашнему вечеру, а если не повезет, то не позже следующего полдня.

– Тогда еда у нас с собой. Тащи своих гребцов!

3.

Попутный ветер туго надул прошитый суровой нитью парус, мачта скрипнула и корабль, слегка накренясь, рассек носом ласковые невысокие волны. Мягкая бурливая пена вскипела вдоль позеленевших от сырости бортов, зашипела тысячей искристых пузырьков, стараясь каждым поймать ясный солнечный свет, но не могла, распадалась, становилась все тоньше и тоньше, неуловимо превращаясь в водную гладь, из которой и родилась. Вода наполнилась хрустальной прозрачностью, став невесомой, будто чуть подсиненный воздух. Сказочный мир морской глубины открылся во всем великолепии удивительной необычности – бурая морская трава тянула вверх колышущиеся мохнатые руки, растущие прямо из бугристых от ракушек камней, над сияющими песчаными прогалинами порхали стаи пестрых рыб, а странный квадратный рак без хвоста, тащил в клешнях кусок мяса, покрытого чешуей. На белоснежном, волнистом как в пустыне песке, лежала жутковатая плоская рыбина, черная, неподвижная, с огромным острым шипом на тонком и длинном, словно у крысы, хвосте. Завидев длинную тень от лодьи, она дернулась и неспешно отплыла в густую морскую траву, махая краями тела, будто крыльями. Но постепенно все затуманилось густой синевой возрастающей глубины, а там и вовсе скрылось в темнеющей бездне. Кормчий, скрипнув

рулем, пустил судно на искрящуюся дорожку, нарисованную по воде склонившимся к западу солнцем, а гребцы отдыхали, шепотом прославляя крепчающий ветер.

Со стороны моря Херсонес выглядел еще величественнее и богаче, чем с суши, но теперь, когда на всем протяжении взора раскинулись поросшие лесом холмы, в этом величии угадывалось что-то откровенно чуждое исконно русской земле. Ромеи строят свои города словно вызов Богам, хотя в их жилах давно иссякла горячая кровь богоборцев и потомков Прометея. Русичи же стараются строить из дерева, оставляя города частью волшебной, диковой природы, но кто как ни они действительно могут померяться силой с Богами?

Солнце еще не село, а последние признаки берега уже растворились в безмерной дали, даже следа не осталось. Теперь корабль резал водную рябь в совершеннейшем одиночестве, словно мир состоял из одного только неба и моря, разлившегося на весь земной диск. Закат уронил в безбрежную воду первые струйки крови, даже плескавшая у бортов пена обрела розоватый оттенок, восток потемнел едва уловимо, а соленый ветер принес долгожданную прохладу.

Витим стоял на самом носу, отражая в темных омутах глаз все это великолепие.

– Вот и кончилась цивилизация, будь она не ладна... – полной грудью вздохнул он. – Теперь на тысячи верст толь-

ко дремучие леса, быстрые реки да высокие горы... Русь, одним словом. Никогда тут не было и во веки не будет ромейской власти, разве что коснется одним лишь краешком и растворится без остатку. Эти леса сожрут, не подавятся, и орды печенегов, и толпы закованных в булат рыцарей. Тайная волшба, крепкие руки и звериная хитрость всегда будут в этих краях сильнее любой человеческой придумки, вроде самострела и греческого огня. Сама земля так устроена... Наша земля. И кому как ни нам она будет подмогой?

Волк встревожено перегнулся через корму, вглядываясь в быстро темнеющую воду.

– А... Далеко эта ммм... земля нунечку? – слегка запинаясь спросил он.

– Версты полторы под ногами. – улыбнувшись одними глазами, ответил Сершхан.

– Полторы?! – отпрянул от кормы витязь. – Ну и дела... Ой, что это?

Справа по борту, в четверти версты, выпрыгнула из воды стая дельфинов, плюхнулась в кроваво-красную воду, сорвав с нее хлопья розовой пены.

– Дельфины. – бегло взглянул Ратибор. – Не видал?

– Слыхивал. – уклончиво ответил витязь. – А что, их предводитель всегда у одного на спине восседает?

– Что?! – хором воскликнули друзья. – Какой предводитель?!

Кормчий аж с перепугу глаза вытаращил, завертел голо-

вой, не зная где же опасность, напугавшая ТАКИХ витязей.

— Ну... — Волк и сам испугался странной взволнованности соратников. — На спине у одной из тех рыб сидел то ли человек, то ли жаба... В чешуе весь, с плавниками, в руке раковина вместо рога. Да чего вы на меня уставились? Нашли зоркого! У Ратибора, чай, глаза в десять раз острее, у него и спрашивайте.

Друзья бросились к правому борту, напряженно уставившись в даль, и в тот же миг дельфины прыгнули снова, подставив уходящему солнцу мокрые спины. На одном из них действительно устроился всадник.

— Тритон... — заметно побледнев, прошептал Ратибор. — Мне кажется я знаю, что случилось с пропавшими кораблями... Никогда ведь этих тварей в Русском море не было, пришли вслед за ромеями, заразы...

— Нападут? — холодно спросил Сершхан.

— Нет, блинов нам предложат! — зло шикнул Витим. — Насколько я про них наслышан, ночка у нас будет веселая. Всем быть настороже! Кормчий, правь на полночь, ближе к берегу!

Прохлада сгустилась над темнеющими волнами, ветер окреп, засвистел корабельными снастями. Солнце медленно тонуло на западе, а на востоке уже мерцало золотое зарево восходящей луны.

— Нынче полнолуние. — вспомнил Сершхан. — Повезло нам, видно будет как днем.

Бесшумно вспыхнули в небесах первые звезды и тут же над поседевшими волнами разнесся мелодичный вой раковины. На фоне соскальзывающего за виднокрай светила отчетливо проявились темные силуэты всадников, оседлавших дельфинов.

– Началось! – рявкнул воевода. – Парус спустить, нам их все равно не перегнать, а управлять будет некому. Кормчий и гребцы – на дно лодки! Помешаете, самолично выкину за борт. И не дрожите как мыши, дно проломите!

Косой дельфиний клин шел в напуск, двигаясь прямо от солнца, но багряный диск, изрядно остывший в морской пучине, уже не слепил, не мешал смотреть. Ратибор сдернул с плеча лук, деловито натянул рукавицу, с нашитыми костяными бляхами на запястье, приметился и звонкая тетива швырнула вперед тяжкую, оконеченную синим булатом стрелу. Ближний тритон слетел с дельфина, словно налетел на невидимый шест, раскинул перепончатые руки, и целый фонтан брызг взметнулся в почерневшее небо.

– Получи, жабье отродье! А это вам, чтоб не скучали...

Он выпустил подряд еще три стрелы и трое всадников отправились вслед за первым, но пятеро скрылись в пучине, явно не думая отступать. Ратибор наложил стрелу и спокойно осматривал зыбкие волны, мерно водя головой из стороны в сторону, глаза будто жили своей собственной жизнью, взгляд моментально перекидывался туда, где возникало хоть малейшее движение, но не заметив опасности расслаблялся,

продолжая неустанное движение из стороны в сторону. Со стороны казалось, что стрелок, не поворачивая головы, без труда разглядит и то, что творится за спиной, да так оно на-верно и было.

– Приготовиться! – напомнил Витим. – Могут вынырнуть где угодно. Чем они вооружены, кто знает?

В десяти шагах от левого борта вода вскипела буруном и на пядь от головы воеводы в мачту ударило увесистое трех-клинковое острие, целиком отлитое из сверкающей бронзы.

– Трезубцами... – покосившись на дрожащую рукоять от-ветил Сершхан.

– Всем на дно! – заорал Витим. – Зашвыряют ведь, гады! Друзья ухнулись в проход между местами гребцов, только Ратибор остался стоять, выпустив пару стрел в рассеченную пенными струями воду.

– Мне их бронза до одного места. – хохотнул он. – У меня кольчуга трехрядная.

Волк перекатился по палубе и лихо сшиб соратника ногой под сидячее место. Стрелок грохнулся на просмоленные доски, поминая Чернобога, а прямо над ним в борт ударил тяжеленный трезубец.

– Дурья башка! – шикнул Сершхан. – Ты же свою кольчугу Микулке отдал!

– Вот она ему нынче нужна возле девки... – буркнул Витим, вытягивая из-за спины меч.

– Сами вы... – Ратибор обиженно потер зашибленный

подбородок. – Кто-то в Суроже решил весь мед скупить, а я о доспехе позаботился.

Он оттопырил ворот кафтана, блеснув натертыми кольцами.

– Лучше прежней, проклепанная! Щас я им дам... А то ведь прошибут днище, заразы!

Но тритоны, чувствуя свое превосходство, топить корабль не собирались, да и вовсе не просто пробить бронзовыми остриями толстые доски днища. Один из них возник у самого борта в бурлящей пене, кувыркнулся в воздухе и мокро шлепнулся на палубу, занеся для удара трезубец. Волк молнией выбросил вперед руку, размазав меч в серебристый туман, так же лихо вырвал клинок из чешуйчатой груди и чудовище с влажным чавканьем забилося в агонии, залив все кругом жиденькой голубоватой кровью. Среди гребцов прокатилась волна тихой паники – тритон был настолько ужасен, что глядеть на него без содрогания было очень не просто. Почти человечесье тело вместо кожи обтянуто крупной чешуей и костяными буграми, словно поросло тонкими пластинками блестящего зеленого камня. Морда костистая, плоская, как у рыбы, с похожими на орлиный клюв роговыми челюстями и двумя воспаленно-красными буграми вместо носа. Острые кромки клюва пугают отточенной остротой боевого ножа, да к тому же еще и зазубрены как плотницкая пила. Выпученные глаза без век влажно таращатся узкими змеиными зрачками, даже омертвев источают холодную, неутоленную нена-

висть к существам другого мира. Руки длинные, узкие, с перепонками как у лягушек, на локтях пучки острых, словно кинжалы, шипов, трехпалые ладони сжимают трезубец, сияющий в свете луны. А за дырами ушей, длинным неопрятным шлейфом мокрой мочалки, свисают трепещущие лохмотья голубоватых жабр.

Ратибор перевернулся на спину, готовясь вытянуть стрелу из поясного колчана:

– Тварей осталось не больше четырех, скорей даже трое – одного я кажись сквозь воду прошиб. Но теперь они лезть не станут и нам высунуться не дадут. Хорошо что мы парус спустили, а то бы занесло в лешакову даль.

– Ящер их задери... – ругнулся Витим. – Нам что, так теперь и лежать, словно солонина в бочке? Сколько у них трезубцев? Не в колчанах же их возят... Наверняка по одному на руки.

– Точно, скоро должны кончиться, – подтвердил Сершхан, – Даже если они ныряют за теми, что выпали с мертвыми. По сему у меня ко всем просьба – если кого пронзят, не падайте за борт, будьте ласковы! Не давайте врагу возвратить оружие.

– Шел бы ты лесом с такими шутками... – огрызнулся Волк. – Враг подкрепления ждет, не иначе!

– Ну и что? – нарочито зевнул Витим. – Чем больше их в напуск пойдет, тем меньше останется.

Стемнело. Море почти успокоилось, простираясь до края

земли сплошным зеркалом, только кое где возникали проплешины зыбкой ряби, разбивая лунный свет на тысячу бликов. Вода еле слышно плескалась в борта, навевая спокойствие, но дохлый тритон, валявшийся в луже слизи и крови, изрядно портил эту идиллию. Константин запалил медную лампу, повесив ее на крюк возле мачты.

– Выкиньте за борт это страшилище! – приказал он гребцам слегка приходя в себя. – И садитесь на весла, черт вас возьми! Парус спущен, а они прохлаждаются...

Тритонье тело ушло в воду почти беззвучно, словно море не противилось его возвращению, но куски чешуи и лужа водянистой крови на палубе, навевали нехорошие мысли. Десять гребцов расселись вдоль бортов, тяжелые весла, надрывно скрипнув, погнали кораблик к прятавшейся во тьме цели. С каждым взмахом широкие лопасти оставляли за собой светящийся след – вода полыхала зеленым, как это бывает летом в лунные ночи, а густые запахи моря буквально окутали все кругом. Это единение света, звука и запаха вызвало странное чувство, будто вот-вот случится нечто страшное, против чего человечесьи силы без толку. На суше все не так, все иначе... Но хуже всего становилось от мысли, что ближайшая твердь находится не ближе, чем в версте под ногами.

– Это как полет... – прошептал Волк. – Мы скользим в версте над загадочным миром, куда свет не проникает даже самым ясным днем, где водятся такие твари, которые и в самом страшном сне не приснятся. Нам там нет места... Разве

что мертвыми.

– Заткнись! – рыкнул воевода. – Не хватало еще со страху портки замарать. Смотрите в оба, чтоб эти жабы чего не выкинули.

Сершхан взялся за носовую балку, перегнулся через борт и опустил руку в черноту бездны. Ладонь сразу окуталась потоками зеленого пламени.

– Глядите как светится. – прищурившись молвил он. – Значит неожиданным напуск не будет, этот зеленый огонь в черной воде хорошо видать, будем знать с какой стороны опасность.

Друзья расположились у носа, чтоб не мешать гребцам и кормчему, вперили взгляды в неверное марево утасающего за кормой света и в блестящую смоляную черноту впереди. Луна медленно поднималась, проложив по воде сверкающую дорогу, ведущую в неизвестность.

Гребцы с хриплым выдохом налегали на весла, стараясь проскочить опасное место, корабль набрал ход, то и дело проклевывая от мощных гребков.

– Глядите! – указал влево Волк. – Что-то светится в глубине...

– Поперли, гады... – Витим потер руки и ухватил рукоять меча. – Ратибор, встречай их по своему, а мы будем сечь тех, кто прорвался. Кормчий, ход не сбавляй и правь на полночь, глубина не нам на руку.

– Три десятка шагов. – прикинул расстояние стрелок. –

Догоняют, заразы. Больно плотной кучей идут, но на воздух пока не суются. Ничего, погодим...

Далеко позади в лунном свете взметнулись белые фонтаны пены, выпустив из пучины четырех всадников.

– Вон еще! – крикнул Сершхан, перебегая к корме. – Эти вынырнули!

Ратибор примерился, но стрелять не стал – слишком далеко, пару сотен шагов, не меньше.

Что-то насторожило Волка. Он присел, провел ладонью по борту, а потом и вовсе распластался в проходе, приложив к палубе ухо. Витим открыл рот, но Волк остановил его поднятым пальцем.

– Что-то огромное прет сквозь воду... – поднявшись сообщил витязь. – Я его СЛЫШУ.

Все замерли, только гребцы мерно кряхтели, заливаясь потом.

– Морской Змей? – Сершхан заметно побледнел, но сжатые скулы показывали непоколебимую решимость бороться.

– Или Кит-Рыба... – потер бородку Витим. – Одно другого не лучше. Эти полужабы с перепугу спустили своего цепного пса и кем бы он ни был, нашей сброи на такое не хватит. Я слышал, что от морских тварей гоже идут крепкие копья с булатом, лучше всего зазубренные. Я сам видал, как аримаспы такими тягали страшилищ из студеного моря. Но у нас их нет, а мечами с морским Змеем не переборешься.

Светящееся пятно быстро приближалось и вскоре друзья

разглядели сквозь воду объятые холодным пламенем чудище. От его мощи холодела кровь, но в своей первородной стихии оно выглядело настолько совершенным, что глаз оторвать не было сил. Это мчался сквозь черную пучину Кит-Рыба, такой огромный, что корабль запросто уместился бы в разверзнутой пасти. Огромные зубы, больше похожие на корявые пики покрытых лишайником скал, рвали воду сотней светящихся в глубине нитей, жаберные крышки неустанно колотили в тело, как створки окованных сталью ворот, а длинные мясистые усы извивались двумя толстыми белыми змеями. Десяток угрожающих шипастых плавников и огромный хвост отбрасывали назад целые потоки струившейся холодным светом воды, выпуклые глазищи величиной с пивной котел пылали красным, а покрытое костяными пластинами тело мерно продавливало воду на глубине десяти шагов.

Кит-Рыба прошел под днищем и корабль качнуло в вихрящихся бурунах, друзья еле устояли на ногах, а гребцы в ужасе вскочили с мест, выкрикивая проклятия и поминая своего бога. Одно из весел выскочило из уключины и словно щепка завертелась в водовороте света.

От второго удара хрустнуло днище, выдавив из себя пару фонтанчиков теплой воды, накалившаяся лампа сорвалась с крюка и покатилась в проходе, разливая горящее масло.

– Уууу.... Леший! – отпрыгнул от смрадного огня Витим. – Тушите, Ящер вас задери!

Волк сорвал с плеча меч, сбросил кожаную куртку и принялся остервенело сбивать ей гудящее пламя. Корабль потерял ход и завертелся на месте, луна от души веселилась, прыгала как сумасшедшая, одноглазо взирая на эту дикую пляску.

– Они его гонят! – непонятно выкрикнул Ратибор.

– Что ты несешь? – удивился Сершхан.

– Тритоны гонят Кит-Рыбу на нас, заставляют идти в на-
пуск!

Волк остался бороться с огнем, а остальные дружно бросились к борту. Чудище начало крутой боевой разворот, показав белесое брюхо и стал виден накрепко привязанный к брюшному плавнику тритон, то и дело коловший рыбу трезубцем.

– Вот оно что! – грозно зарычал воевода. – Убью гада... Если достану.

Ратибор замер, словно мелькнувшая мысль ощутимо ша-
рахнула в голову, сорвался с места и ухватил опешившего Константина за грудки.

– У тебя есть тонкая веревка? – выкрикнул стрелок. – Не канат, а тонкий пеньковый шнур! Так давай, чего головой трясти понапрасну!

Поймав брошенный моток бечевы, он выдернул из ножен меч, подхватил толстенное весло и накрепко связал то и другое. Гигантское копьё тяжко легло в крепкие руки, а веревка полетела под ноги опешившего Витима. Тот не долго думая

сорвал весло с уключины и привязал к нему меч, изведя почти весь шнурок.

– Да помогите же залить огонь! – злобно крикнул на гребцов Волк. – Расселись как за дармовой трапезой.

– Так они и сунут ведро за борт, раз мечтался! – презрительно сплюнул Витим. – Обмочатся ведь со страху.

Он отложил наспех состряпанное оружие и собрался уже зачерпнуть черную воду, но Сершхан пинком вышиб деревянную кадку, с грохотом отлетевшую до самой кормы.

– Нельзя горящее масло водой заливать! Тогда огонь вообще ничем не остановишь.

Он расстегнул пояс, сабля грохнула ножами в палубу, а халат помог добивать умиравшее пламя. Угарным дымом заволокло все вокруг, разрозненные языки огня прятались, перепрыгивая с одной доски на другую, пляска света так завораживала, что друзья на миг отвлеклись, чуть не прозевав напуск.

Могучий всплеск ударил в уши, выпуская из воды шипастую морду Кит-Рыбы, а крутая волна с пенным гребнем чуть не опрокинула суденышко. Ратибор пришел в себя первым. Он расставил ноги и так крепко упер их в палубу, что они словно корнями вросли в просмоленные доски, лопатистый конец весла уперся в покатый борт за спиной, надежно подпирая и без того крепкое тело. Булатное острие копья хищным клювом разбрызгивало вокруг лунные отсветы и казалось, что этот клюв вот-вот исторгнет из себя зловещую пес-

ню смерти.

Чудище перло на кораблик, взбивая хвостом ворох бушующей пены и казалось, что время превратилось в густую смолу, стало тягучим и липким, оттягивая решающий миг. Кит-Рыба надвигался неумолимо и страшно, бушующие волны ревели как водопад, короткие роговые шипы вокруг морды розгами рассекали ночной воздух. В бескрайности ночи казалось, что это не чудище прет, а кораблик страшным течением несет на ревушие, безжалостные скалы.

Ратибор метил в глаз, но руки соскользнули, всадив булат между костяными пластинами носа, Кит-Рыба дернулся и чуть отклонился, от жуткого удара весло изогнулось дугой, в щепы разнесло лопасть и вышибло из верхушки борта пару толстых досок. Витим тоже подхватил копьё и с разбегу всадил под боковой плавник, заставив Кит-Рыбу выпрыгнуть из воды на две трети. Чудище плюхнулось обратно всем телом, взметнув к звездам их отражения в черной воде, но все же свернуло, разорвав волны вдоль борта. С неба падали и падали целые потоки воды, залив корабль почти по колено, последние лужицы горящего масла брызнули за борт искрами желтого света, растворились в бездонной пучине.

– Надо сменить древко. – затягивая на палубу расщепленное весло, крикнул Витим. – Следующего напуска эти копы не сдюжат.

Он разрезал узел, размотал бечеву и принялся прилаживать меч к другому веслу. Рядом за таким же занятием пых-

тел Ратибор.

— Это нам не поможет! — Волк откинул мокрые волосы назад. — Ну отгоним еще пару раз, а дальше? Нужно прибить тритона, который им правит, то есть поднять Кит-Рыбу на хвост, заставить показать брюхо. Тогда Ратибор не промахнется... Давайте копье!

— Выронишь... — затягивая узел буркнул стрелок. — Берите вдвоем с Сершханом.

Светящаяся дуга показывала путь мчащегося в глубине чудовища, оно широко развернулось и снова пошло в напуск, быстро набирая ход. Лук скрипнул в руках Ратибора, нехотя позволяя оттянуть тетиву до самого уха, он ждал терпеливо, уверенно, не сводя взгляда с полосы зеленого пламени, направленной в левый борт. Словно лохматая зеленая комета неслась в черноте моря среди отражений звезд.

Наконечник стрелы замер, отливая добротной синевой закали и даже статуя не стояла бы неподвижней, даже мертвец не выглядел бы спокойней, чем отрешенный от мира стрелок, всей душой и телом которого стал единственный точный выстрел.

— Бейте в бороду. — напряженно шепнул он. — Это заставит его показать брюхо.

Кит-Рыба наконец высунул морду, раскинув по воде хлещущие бичами усы, острые шипы взрывали воду, как ора-ло взрывает землю, даже борозды оставались в бушующих волнах. Он развернул пасть, сверкнув многорядьем зубов,

трубно взвыл, так что уши заклало и сделал последний ры-
вок.

Острия ударили зверя в подбородок, булат скользнул, лязгнув в костяные пластины, но сыскав щели жадно впи-
лся в податливую плоть. Копье Витима сломилось по дереву
у острия, отбросив витязя в море, но Сершхан с Волком чу-
дом не выпустили древко, встретив спинами покатые доски
борта. Зверь дернулся, будто пораженный Перуновой мол-
нией, вздыбился из пучины, задрав морду навстречу лунно-
му свету. Вой боли и ярости надорвал ночь, море швырялось
волнами и пеной, заливая метавшихся в ужас мореходов и
только Ратибор стоял средь взбесившейся воды как скала, с
ледяным спокойствием на лице.

Лишь на единый миг показался белесый подбородок Кит-
Рыбы, на миг столь краткий, что витязи с ужасом поняли –
Ратибор не успеет пустить стрелу, это просто не в человече-
ских силах. Но стрелок не растерялся... Время для него при-
вычно сжалось, заставив все кругом двигаться с размеренной
предсказуемостью, глаза терпеливо ждали цель, уже зная где
и когда она явится. И когда из ревущей пучины показалось
привязанное тело тритона, он хладнокровно подправил при-
цел, разжал пальцы и тяжелая стрела впилась в цель, войдя
по самое оперение. Тритон мелко затрясся и выронил бле-
стящий трезубец, а освобожденное от злой власти чудовище
ушло в глубину, оставив теряющийся в пучине след.

Гребцы повскакивали, не веря в чудо, но тут же один

выгнулся в дугу, пытаясь схватить вонзившийся меж лопаток трезубец, а другой свалился за борт, заливаясь кровью из разорванного секущим ударом горла. Четверо всадников прошли вдоль бортов так близко, что в нос ударил мощный запах мокрой чешуи и водорослей, базальтово-черные дельфины тела ушли в глубину, взметнув фонтаны белесой пены.

Злой как сто аримаспов Витим ухватился за борт и с трудом влез на корабль, плюхнувшись в воду, залившую палубу.

– Ящ-щ-щер... – мокро откашлялся он солеными брызгами. – Эти твари сдаваться не думают.

Не подымаясь с колен он пошарил по палубе, разгоняя качавшиеся в воде обломки и куски бечевы, под резкими взмахами жилистых рук вылетали за борт щепки, доски, чья-то обувь и прочая плавучая мелочь.

– Где мой меч?! – надсадно ревел он. – Это Чернобогово отродье, карась шипастый... Утащил в пучину оконечье копья вместе с булатом! Ратибор, гляди в оба! С этими жабами шутить не стоит. И не стой у борта, чтоб тебя... Не хватало нам еще стрелка потерять.

Он в отчаянии шарахнул кулаком, разбрызгивая смешанную со свежей кровью жижу и шатаясь побрел к носу, где друзья ошетинились сверкающей сталью.

– Ну где вы, твари? – заискивающе прошептал он, опираясь о край борта. – Я же вас теперь голыми руками передошшу...

– Успокойся, Витим! – Ратибор ухватил воеводу за плечо и взглянул в бешено метавшиеся глаза. – Мир не перевернулся, понимаешь? Все самое главное в тебе! Не в булате, пусть даже и колдовском.

– Это знаменье Богов... – Витим склонил голову, тяжело вздохнув. – Все идет как-то криво, заметил? У нас под носом был Камень, а мы прошли мимо, мы не словили Громовника, пришлось его убивать, и мы ни хрена не узнали про свое предназначение. Так, обрывки старинных баек... Куда идти, за кем гнаться?

Гребцы стали вычерпывать воду, с опаской озираясь и стараясь не вставать во весь рост, Константин пробовал ветер наслонявленным пальцем.

– Осторожно! – воскликнул Сершхан рубанув по метнувшейся из воды руке с трезубцем. – От бортов!

Ратибор дважды стрельнул, но толща воды упорно отводила стрелы от цели.

– Заразы... – прошипел стрелок, мотая зашибленным тетивой пальцем. – До чего же быстры!

– Справа еще!

Волк рубанул в темноту сверкнувшим клинком и на палубу полетели окровавленные куски мяса с прилипшей к ним чешуей, но тут же с другой стороны мелькнула перепончатая тень и плечо Витима разорвал тяжелый трезубец. Ратибор успел пустить стрелу вслед уходящей цели, в этот раз не промазав, хотя верткость и скорость противника просто по-

ражали воображение.

– Есть! – радостно воскликнул Сершхан. – Их теперь только двое осталось!

Витим выдернул торчащий в борту трезубец, тройное острие плавно качнулось в руке, ловя каждый и звук и малейшее изменение света. Море вспучилось у самого борта, выпустив всадника на прыгнувшем через всю ширину корабля дельфине, но рука воеводы не дрогнула, широким взмахом посылая точеную бронзу в цель. Оружие попало в брюхо дельфину, тонкая кожа лопнула, размотав сизые кишки по всей палубе. Тритон беспомощно плюхнулся в воду, словно лещ с обрыва, а дергавшаяся туша животного окровила море на много шагов вокруг.

Друзья обернулись от отчаянного звона, это Сершхан сцепился с вылезшей из пучины тварью, но помощь не потребовалась – юркая сабля располосовала тритона накрест.

– Жабры в одну сторону. – усмехнулся Ратибор. – Перепонки в другую.

– Кто-нибудь этих тварей считал? – тяжело дыша спросил Витим.

Кровь широко выплескивалась из его плеча, драная рубашка мокро дрожала обрывками ткани.

– Один остался. – брезгливо вытирая саблю молвил Сершхан. – Без дельфина.

– Ну да. И куча дельфинов без всадников... – вздохнул Волк, чутко вслушиваясь в темноту морского простора.

Словно в ответ на его слова раздался трубный зов раковины и друзья разглядели в толще воды два светящихся следа стремящихся соединиться в двадцати шагах от борта.

– Дельфина покликал, ясное дело... – вытягивая стрелу, пробурчал Ратибор. – Ничего, встретим хоть верхового, хоть пешего... Главное, не подпускать их слишком близко – быстрота не так страшна на большой дальности. В сече эти жабы тоже бойцы не великие, так что самое страшное – когда они на всем ходу вдоль бортов проходят, бьют резко, неожиданно... Но ничего, я его постараюсь взять издалека, до борта лишь чешуя долетит.

Друзья уже предвкушали победу, когда неожиданно резкий звук разорвал воздух, будто лопнула струна на Волковой лютне. Никто ничего не понял, только стрелок, раскрыв рот, оглядывал свой лук, словно видел его впервые.

– Тетива... – упавшим голосом возвестил он.

– Опять лопнула?! – грозно сверкнул глазами воевода.

– Петля от воды расплелась! – Ратибор сунул ему под нос свободный конец жильного шнура. – Видишь?

– Великие Боги! – поднял лицо к небу Витим. – Отчего же так не везет?

– Удача – капризная девка... – грустно усмехнулся Сершхан. – Доверять ей не стоит.

Над морем снова разнесся бархатный вой зазывной раковины.

– Погодите! – удивленно воскликнул Волк, всматриваясь

в бурлящую зеленым огнем глубину. – Кто же это?

– Где? – не понял Сершхан.

Но тут же глаза его округлились, отразив мелькнувшую догадку.

– Тритон не может быть в глубине! – выказал общую догадку Волк. – Он ТРУБИТ на поверхности, там, вдалеке. На встречу дельфину плывет кто-то другой!

Друзья скопом навалились на борт, разогнав пристроившихся гребцов – в пучине морской развернулась отчаянная схватка, угадываемая только по всплывающим пузырям и безумной пляске холодного света. Кто-то напал на дельфина, стремящегося по зову раковины, кто-то неведомый, но явно житель пучины, чувствующий себя в ней не хуже, чем рожденный в этих водах морской зверь.

Яростный бой неуклонно приближался к поверхности, изгибая ее бурунами и волнами. Пару раз из черной воды с плеском метнулась явно человечесья рука, вооруженная длинным кинжалом из шипа неведомой твари, и тут же цвет пены стал розовым в свете луны.

– Готов... – напряженно вытянул шею Сершхан.

– Кто же это? – не унимался Волк.

– Не знаю точно, – задумался Ратибор, – Но точно друг. Или враг врага, что ничем не хуже.

Туша дохлого дельфина всплыла с тихим всплеском, мокро переливаясь в лучах лунного света, а неведомый союзник мелькнул белым телом у самой поверхности и стал медленно

уходить в глубину, оставляя за собой светящийся шлейф. Но наперерез ему метнулся другой шлейф, высветивший острие трезубца и бородавчатую морду тритона.

Два жителя бездонных глубин сошлись в лютом двобое – быстрота против быстроты, трезубец против кинжала, увертливость против увертливости. Клубок из чешуи, белой кожи, пены и крови завертелся у самой поверхности, на воздух вырывался то шипастый хвост, то человечесьи руки, то острющий рог кинжала, скрещенный с тяжким трезубцем.

– Надо помочь! – не выдержал напряжения Волк. – Кормчий, правь к бурунам! Гребцы, на весла!

Скрипнули уключины правого борта, разворачивая неуклюжий кораблик, Константин мерно выкрикивал команды, задавая ритм, а друзья не сводили взора с бушующей схватки, словно ничего больше не было между морем и небом.

– Готовьте копье! – скомандовал Витим.

Ратибор, стиснув зубы от напряжения, ухватил тяжелое древко весла с остро расщепленным концом и облокотил его на кромку борта, целя в бурлящую воду.

– Сойдет и это, – пояснил он. – супротив жаб булат не потребен, чай не Кит-Рыба.

– Не попади в... того, кто против тритона! – предупредил Волк.

– Поучи козла бодаться! – буркнул стрелок и ударил древком в мелькнувшую чешуей спину.

Тритон дернулся и дважды получил юрким кинжалом под

жабры, его тело вылетело из воды по самый хвост, изогнулось дугой и плюхнулось в воду. Но и победителя видно не было, только рябь на месте схватки напоминала о яростной битве в чернеющей бездне.

– Конец... – стиснул губы Сершхан. – Кажись обоим... Изранили друг друга до смерти...

– Погодите тризну править. – поднял руку Ратибор. – Эй, Константин, суши весла! Руль на левый борт!

– Что-то узрел? – с надеждой спросил Сершхан.

– Пока не знаю. Дайте багор, я в кольчуге за борт не вылезу. Вон, поглядите, кажись это оно самое и есть.

На длину весла от левого борта безжизненно колыхалось светлое пятно.

– Кажись девка... – не веря глазам прошептал Витим. – Точно девка, Сварогом клянусь! Да куда ты багром! Очумел, что ли?

Он наклонился, держась за борт, и ухватил крепкой рукой обмякшее тело.

4.

– Нежить... – трижды перекрестился Константин, оглядывая лежащее в проходе тело.

Лицо незнакомки поражало тонкостью черт, сияло белизной и нежностью кожи, а густые черные волосы мягко струились по дну корабля. Если бы не рыбий хвост вместо ног, была бы обычная девка. Только красивая сверх всякой меры.

– Сам ты нежить! – зыркнул на него Витим. – Это тебе не русалка утопленная... Это морянка. Считай та же берегиня, только не в речке живет, а в море. Она родилась в пучине, и мамка ее и весь их род. Считай те же люди, тока морские. Видишь хвост вместо ног? О! В том и различие. Еще вдоль хребта короткий плавник есть, сейчас не видать. Поливайте, поливайте! До чего же ленивые...

Гребцы, черпали кадушками из-за борта, с опаской выливая воду на распростертое тело, зиявшее нехорошей раной в боку. Веки девушки дрогнули и открылись, показав огромные, ярко-зеленые глаза. Словно два граненных изумруда мягко мерцали в лунном свете. Волк поймал себя на том, что стоит с раскрытым ртом, не в силах оторвать взор от прекрасных очей, но насмешек от друзей можно было не опасаться, они сами стояли, как кольями прибитые.

– Живая... – присел рядом Волк. – Вроде очнулась совсем.

Он старался не пялиться на крепкую девичью грудь, колыхавшуюся при каждом вдохе тугими сосками, но вовсе не смотреть на это чудо бездонных глубин было тяжело. Золотой обруч опоясывал длинную как у лебедушки шею, удерживая переливчатую ракушку размером со средний кулак.

– Спасибо вам... – не вставая молвила девушка. – В море без чувств оставаться нельзя, слишком много охотников до легкой добычи.

– Больно? – придиричиво оглядывая рану спросил Ратибор.

– Как? – не поняла девушка.

– Тебя тритон трезубцем ударил! Рана болит?

– Это рана? – чуть не рассмеялась морянка. – До следующей ночи от нее и следа не останется! Я же говорю, что самое худое – без чувств остаться. Тогда смерть. Аживает в море все быстро, медузу, вон, хоть на десять частей разорви – каждая выживет.

Она изящно села, изогнув хвост великолепной дугой, чешуя переливалась и сверкала, словно каждая звездочка неба имела на ней свое место. Выше бедер чешуек не было, только бархатистая девичья кожа.

– Тяжек воздух нынешней ночью... Сухой. – вздохнула она. – То ли дело в шторм...

– Погоди! – Витим присел рядом с Волком, почесывая жесткую бородку. – Кажи, отчего ты сцепилась с тритоном?

– Вам хотела помочь! Неужели не ясно?

– Ясно-то ясно, да не понятно ЗАЧЕМ! Какой тебе инте-

рес в нашей перебранке?

— Эти пришлые тритоны худое творят. — неопределенно скривилась морянка. — Пытаются поставить свой покон и устав. Вредят почем зря, чего мы никогда не делаем. А люди что? Им без разницы, на ком зло за потопленные лодьи сры-
вать, начнут бить нас. Особливо ромеи. Те вообще всего бо-
ятся, сначала бьют, потом смотрят что это было. Так что мо-
ему роду пришельцы не в радость. Спасибо вам, задали им
жару... Теперь подумают, как буанить! Они ведь и нам вреда
принесли не мало: губят пастбища, скотину тиранят... Кит-
Рыбу оседлали, загоняли совсем, теперь молока семь дней
не дождешься!

Воевода настороженно замер.

— Кит-Рыба, говоришь? Это ваша скотина?

— Так и есть. А что?

— Да лихо одно приключилось. Понимаешь, я у ней в мор-
де меч оставил. Не серчай, так уж вышло! Коль ты властна
над этой тварью, помоги вернуть сбрую, век тебя не забуду!

— Чего уж проще! Может кто-то еще чего хочет? — озорно
улыбнулась она.

— Ты что, желания исполняешь? — заинтересовался Серш-
хан.

— Смотря какие... — не унималась морянка.

— Ладно, хватит дурачиться! — прикрикнул Витим на ви-
тязей. — Распустили хвосты. А ты тоже хороша... Им тока
мигни. Значит вернешь меч?

Морянка не ответила, только с неожиданным проворством прыгнула за борт, сверкнув чешуей. Вода приняла ее с головой, но тут же выпустила по грудь, распустив по волнам прекрасные волосы. Наклонив голову, девушка дунула на пронизанную обручем раковину и ухватила за край борта, вглядываясь в темноту изумрудными глазами. Казалось, днище слегка дрогнуло под ногами, а по воде метнулась едва различимая рябь.

– Ничего себе попер! – прислушавшись шепнул Волк. – Резвее чем под тритоном. Не зря говорят, что охота хуже неволи.

Стрела зеленого пламени метнулась из пучины, взметнув воду чуть не у самого борта, друзья пригнулись под потоком соленой воды, с почтением и опаской глядя на явившееся по зову чудище. Оно перевернулось на бок и морянка дружески почесала огромный плавник, вызвав у зверя сладостную дрожь, погнавшую волну высотой в две пяди. Константин и гребцы замерли, лишившись дара речи.

– И где твой меч? – серебристым голосом спросила девушка.

– В морде, ниже пасти... Нет, еще левее! – крикнул Витим. – Вон, наверхие рукояти блестит!

– Я не вытяну! – морянка сердито стукнула Кит-Рыбу кулачком. – Загнал по самое перекрестье, сам и вытягивай!

Она изящным взмахом подманила чудище и борт надрывно скрипнул, коснувшись белесых губ. Дыхание зверя мощ-

но струилось, как сквозняк в скальном ущелье, так же веяло тьмой, тленом и сыростью, а жаберные крышки ухали в бока, как таран в ворота. Воевода, стараясь не показать предательскую дрожь, ухватил рукоять, бугристые мускулы напряглись и меч с тихим шелестом вылез из раны. Зверь даже не вздрогнул, пристально глядя на Витима огромными глазами.

– Вот и все... – с оттенком грусти молвила девушка. – Познакомились, теперь пришла пора расставаться.

– Погоди! – неожиданно воскликнул Волк. – Скажи свое имя!

– Имя? – морянка взглянула на витязя с нескрываемым интересом. – Все кличут меня Певуньей, за то что в лунные ночи...

– Я тоже люблю глядеть на луну! И петь...

– Хотелось бы услышать земные песни. – улыбнулась Певунья.

– А мне твои!

Друзья умолкли, стараясь не мешать неожиданно возникшей беседе. Между Волком и морянкой словно протянулись невидимые нити, в миг связав воедино пару родственных душ. Дочь моря сняла с шеи обруч и блеснув повлажневшими глазами передала его витязю.

– Если... Если захочешь спеть лунной ночью на берегу любой воды, подуй на раковину. Я мигом явлюсь хоть с самого края света!

Ее губы дрогнули, словно шепнув неслышную фразу, рука ухватила плавник Кит-Рыбы и два морских чуда мигом скрылись в пучине, оставив после себя гигантский бурун, завертевший корабль как щепку.

Море соскучилось по свежему ветру, гребцы натужно налегали на весла, смешивая с запахом соли дух горячего пота. Луна рельефно вычерчивала перекаты мышц под темной от южного загара кожей.

– Если б не раковина на шее Волка, – задумчиво молвил Сершхан. – Я бы решил, что вся эта ночь во сне привиделась. Особенно Певунья... Это же надо, какое диво скрывает пучина морская!

Витим слушал в пол-уха, натирал вновь обретенный клинок выдранной откуда-то холщовой тряпицей, рукав на правом плече стянут тугим бинтом, плотно сжав рваную рану.

– Что за кровь у этой твари? – сердито шептал он. – Не оттирается никак.

– А ты поплюй. – предложил Ратибор, заканчивая вязать новую петлю на тетиве. – В твоей слюне столько желчи, что разъест любую гадость.

Воевода усмехнулся и резвей заработал тряпицей. Волк лежал в проходе и молча взирал на звездный круговорот, губы едва заметно вышептывали неясное слово. Подошедший Константин кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Эээ... – неуверенно протянул он. – Я хочу сказать вам

спасибо. Выручили нас! Теперь корабли пойдут спокойно, повезут товар, дадут заработать хорошие деньги.

Воевода только засопел недовольно, а Ратибор хитро поднял бровь, глянув через плечо на кормчего.

— Выручили? — усмехнулся стрелок. — Ты о чем, ромей? У нас уговор был, а уговор, запомни, дороже всяческих денег. Тебе спасибо, что согласился нас взять за обычную плату, мы же просто подсобили миновать трудное место.

— Значит, — и без того тощее лицо Константина вытянулось еще больше. — Вы с меня ничего не возьмете за спасение корабля?

Друзья разразились дружным хохотом, даже Волк улыбнулся в полудреме. Ромей понял, что платы с него не ждут и поспешил на корму. Ночь медленно текла над землей, вращая звездное небо подобно мельничному колесу, время шло, неуклонно стремясь к рассвету.

Восток порозовел за кормой. Море совсем успокоилось, зеркалом отразив сияние подступавшего утра, мир выкупался в этом свете, щедро разбрызгав до самых краев. Утренняя прохлада пробиралась под одежду, топорща кожу мурашками, едва видимый пар поднимался с воды, подчеркивая великолепие зарождающегося дня. Корабль резал воду как масло, длинные волны с плеском разбегались от днища, но безмерная гладь выравнивала их в двух шагах от бортов, стараясь ничем не нарушить спокойствие утра. Легкий туман клубился от носа к корме и вдруг разом исчез, открыв без-

мерную глубину налившегося голубизной неба. Из-за края земли показалось солнце, начав свой величественный путь от рождения к смерти, золотистая сила крепла, наливалась жаром и наконец выплеснулась в полную силу, заиграв по воде дрожащими бликами. Легкая рябь накинула на море привычное покрывало – наступил новый день.

Попутный ветерок постепенно крепчал и Константин дал команду поставить парус. Напрягшаяся мачта приняла тяжесть полотнища, корабль накренился, скрипнул и стал разгоняться, вздыбив воду глубокими складками. Гребцы подняли весла, уложили вдоль бортов и теперь отдыхали, подставив обнаженные спины живительным лучам.

Константин поднял наслонявленный палец, определяя направление ветра, прикинул на глаз высоту солнца и что-то черкнул стилем на вощенной дощечке.

– При таком ветре к полдню увидим землю. – уверенно сообщил он.

Ратибор довольно кивнул, разложил припасенную снедь и друзья, устроившись у самого носа, принялись с аппетитом уплетать завтрак.

– Подогреть бы... – придиричиво поморщился Сершхан. – Терпеть не могу холодное мясо!

– Ну и не ешь! – с набитым ртом отмахнулся стрелок. – Больше останется.

– Во-во! – поддержал его Волк. – Полезно все, что в рот полезло!

– Вы точно когда-нибудь лопните! – почесал бородку Витим. – Куда в вас влазит?

Солнце постепенно поднималось, нагревая плескавшуюся по палубе воду, у самого виднокрая небо оперилось редкими облачками, а воздух прорезали крики чаек, проносящихся над самой мачтой.

– Чайки летают. – Ратибор ткнул в небо утиной косточкой. – Значит земля совсем близко – примета верная!

Константин подал команду и гребцы левого борта с плеском погрузили весла в зеленеющую прохладу воды, загребли, помогая направить корабль на север, где уже серела туманная полоска близкой земли. По правому борту весла наклонно глядели в небо, белея проступавшей из дерева солью, но дождавшись команды тоже плюхнулись в изумрудную глубину, пронизанную лучами света и плавно двинулись, смешивая воду с тысячей сверкающих пузырьков. Корабль, ускоряя ход, рассек низкие волны.

– Кормчий! – позвал Витим. – Скажи, можно ли нам пройти самым коротким путем до берега?

– Не совсем понял... – качнул головой ромей.

– Ну смотри. Если выйти из Таврики, как мы, но в Таврике не приставать. К какому месту берега можно прийти быстрее всего?

– А! Понятно. Таврида с западной стороны врезается в Понт Эвскийский, то есть, в Русское море по вашему, длинным полуостровом. Его надобно по любому обходить, что мы

и сделали нынешней ночью, теперь наш путь состоит из двух прямых линий: одна от Херсонеса до края полуострова, другая оттуда до ближайшего берега, то есть прямо на полуночь оттуда. Но наши корабли не ходят самым коротким путем, потому что берег в конце пустынный и делать там нечего. Греки от переломного места ходят на заход, к Днепру или еще дальше, к фактории.

– Давно мы прошли переломное место? – задумался воевода.

– Примерно в полночь. – охотно ответил кормчий, поразившись странному интересу варвара.

– Ясно. Правь к тому месту, о котором только что баял. Нам туда.

– Туда? Да там и людей нет! Степь, пустыня, берег обрывистый, камни торчат из воды. Нехорошее место! Кроме того вы до самого Днепра уплатили, деньги я семье передал и вернуть не могу.

– Оставь себе! – презрительно скривился Витим. – И правь куда кажут.

Константин пожал плечами, крикнул гребцам и корабль скоро сменил курс, оставив полосу земли по левому борту.

Минул полдень. Глинистый обрыв, выжженный солнцем, уныло маячил на севере, туманя взор. Берег пенил воду ласковым прибоем, но море было спокойным, едва лохматилось о прибрежные камни. Покатые, поросшие водорослями валуны тут и там торчали подобно спинам морских зверей, а у

самой кромки воды одиноко и жутко уткнулся носом в песок покинутый ромейский корабль.

– Это он! – воскликнул Ратибор, первым заметивший брошенное судно. – Корабль, на котором бежал Громовник!

– Точно! – пригляделся Сершхан. – Витим, как ты узнал где он?

– Чутье. – коротко ответил воевода и внимательно уставился на приближающийся с каждым гребком берег.

Друзья недоуменно переглянулись, но промолчали, надеясь на объяснения позже, когда Витим будет в лучшем расположении духа.

– Странно, – Константин вытянул шею, разглядывая знакомое судно. – Отчего его бросили? Ни дыр в днище, ни следов пожара... Корабль Кирилла, я его знаю. Станный кормчий, нелюдимый, вечно путается со всяческой швалью, с наемниками, а то и с пиратами. Но бросить корабль... Не просто странно – глупее некуда. Не потребна вещь, возьми и продай, для чего же выбрасывать? Как-то не по нашему это...

– Для ромея действительно глупо. – фыркнул Ратибор. – Но яснее от этого не становится.

Волк молчал, только все больше хмурился с каждой минутой, ноздри легонько подергивались, ловя запах земли.

– Смертью пахнет... – жутковатым тоном вымолвил он. – Давней и нехорошей.

Кормчий вздрогнул от этих слов, крикнул команду и греб-

цы разом подняли весла, вода стекала с них, падая в море крупными каплями.

– Все! Я вас до места доставил. Теперь поступайте, как знаете, а я пойду назад, извещу своих, что путь свободен. Еще раз спасибо за помощь!

– Не за что! – буркнул Витим и не прощаясь перескочил за борт.

Вода приняла его тяжким всплеском, он поправил за спиной меч и побрел к берегу по колено в воде. Следом Ратибор неохотно спрыгнул в прозрачную воду, морщась от слишком резкой прохлады. Сершхан с Волком осмотрелись, чтоб ничего не забыть и отправились за друзьями, скользкие валуны под ногами вызвали поток дружной ругани.

– Человек должен жить на суше! – уверенно заявил Волк. – Пусть рыбы в воде плещутся, да морянки с берегинями вместе. На то у них и хвосты вместо ног. Тьфу ты! Мокрое все, скользкое... Чтоб его!

Они выбрались на берег, уселись на крупную гальку и с удовольствием стянули обувь, выливая потоки воды. Ромейский корабль, поймав ветер, быстро удалялся, но скрип весел был еще слышен долго.

– Гребцов не бережет... – глянул в даль Ратибор. – Словно за ним тритоны гонятся. Неужели брошенный корабль мог его так напугать? Разве тут взять нечего? Да он ведь и не смотрел!

– Его напугал Волк своим тоном. – усмехнулся Сершхан. –

По ромейскому понятию купцам нужно сматываться не медля, если воины показали испуг. А уж после нынешней ночи он о нашей храбрости высокого мнения.

Обувшись витязи подошли к кораблю, заглянули через просоленный борт и отпрянули, даже стойкий Витим и бесшабашный Ратибор изменились в лице. Все днище было завалено мумиями, просоленными, высушенными солнцем, но все же изрядно прогнившими. Большинство трупов темнели голой кожей, видно вода и ветер стянули с гребцов набедренные повязки, но один мертвяк тускло поблескивал дорогим доспехом, а рядом валялся ромейский гребенчатый шлем. Но не только тлен обезобразил тела, черные дыры смертельных ран зияли у кого под лопаткой, у кого в голове, а воин лежал с перерезанным горлом.

– Знакомые раны... – схватившись за голову молвил Витим. – Ох, знакомые... Немецкий клинок!

– Опоздали. – вздохнул Ратибор Теплый Ветер, отходя от недоброго места.

– Громовника пристрелили, а что толку? Все теперь по новой закрутиться... Их вообще убивать толку нет! – яростно взглянул на друзей воевода. – Нужно уничтожить сам меч, только тогда мы остановим эту проклятую гадь. Любой ценой уничтожить! Любой... Волк, ты можешь сказать, куда направился новый враг?

– Могу. Только сидеть тогда некогда! Эти... уже дней десять тут вялятся. Молите Богов, чтоб дождя не было, иначе

след потеряем.

– А тут бывают дожди? – ковырнул ногой насквозь про-
сохшую глину Сершхан.

– Иногда. – буркнул Ратибор и первым пошел к обрыву.

5.

Ковыльная степь тянулась без конца и без края, только к вечеру витязи разглядели на стыке земли и неба темную полосу леса.

– Чьи тут земли? – вглядываясь в даль поинтересовался Витим. – Больно безлюдные места.

– Тут живут уличи, а еще дальше на заход тиверцы. – широко шагая пояснил Ратибор. – Я там бывал, а вот тут впервые, про уличей знаю мало. У самого Днепра есть у них городище, зовется Олешьем, если отсель, то напрямик на полуночь. Нам лучше путь туда держать, из города переправа легче, а может и лодью найдем. Тогда до Киева пойдем по реке, чтоб зазря землю ногами не мять.

– Но они воины или пахари?

– Вроде пахари. Веси строят, живут в лесах, к морю выходят не часто, разве что с ромеями торговать. О войнах с ними я и вовсе не слыхивал. Тиверцы с ними вроде как ладят, а до других больно уж далеко. Легче сходить на Царьград морем, чем продираться через эти жаркие степи и сырые леса... Так в Царьграде хоть есть что взять, а тут что? Пустыня да лес дремучий. Мало что ли в Киеве такого добра?

– Это уж точно... – уныло буркнул Волк. – У нас вода хоть осталась?

– Выдули всю! – Сершхан поболтал у уха деревянной ба-

кладкой. – Пусто, как в кошеле после корчмы.

– Забрели... – Волк облизал пересохшие губы. – Вон уже и вороны слетаться начали. Добрести бы к ночи до леса, там бы сдюжили. И вода бы сыскалась, и добрая еда.

– Только не надо про еду, ладно? – сглотнул слюну Ратибор. – А вот вороны, кажись, не по нашу душу... Глядите, что-то темнеет вон там, в ковыле.

Друзья ускорили шаг, вытягивая шеи от любопытства и вскоре разглядели в траве лежащего навзничь витязя. Он распластался лицом вниз, пальцы горстями загребли пыльную землю, а волосы стянула корка высохшей крови. Чешуйчатый доспех зиял дырами и обрывками шнура, шолом валялся рядом, а вот оружия видно не было, даже из-за голенища не торчала привычная для русича рукоять ножа.

– Павший. – уверенно заявил Витим.

– Нет. – Сершхан качнул головой, щуря глаза от пронесшийся с ветром пыли. – Над павшим вороны бы уже пир устроили. А так ждут, готовятся.

Они подошли, убедились что нет подвоха и перевернули мускулистое тело на спину. Витязь застонал и открыл глаза.

– Люди... – еле слышно вымолвил он. – Русичи?

– Русичи, русичи! – присел рядом Сершхан.

– Хвала Светлым Богам! Не зря, значит, полз... Теперь и помирать не жалко.

– Погоди помирать! – испугался Ратибор. – Кажи хоть какое лихо с тобой приключилось!

– Лихо... Воды бы глоток...

– Вот чего нет, того нет! Эй, не спи! Соберись с силами!

Незнакомый витязь закатил глаза, кровавая пена выступила на пересохших губах. Сершхан ругнулся, достал баклажку и вылил в рот умирающему добрый глоток воды.

– Вот зараза! – шикнул на него Ратибор. – Соратникам врать удумал? Казал ведь, что пустая... Как кошель опосля корчмы.

– Ничего я не врал. – глаза витязя озорно сверкнули. – У меня и после корчмы в кошеле что-то остается. Самую малость.

Умиравший было витязь немного ожил, разлепил веки и туманным взором оглядел друзей.

– Наш отряд шел в Киев... – прошептал он. – Полсотни копий. Прошел слух, что худые дела там творятся, наступила на город несметная рать. Ну, мы, тиверцы, со Владимиром дружбу ладим, решили помочь. Я же шел в дальнем дозоре позади своих, мы так часто делаем, чтоб со спины никто не ударил. А тут, в лесу, завязался бой, наших всех в полон взяли. Я струхнул маленько, не стал в сечу соваться. Даже оружие с перепугу бросил. А потом соромно стало, да чем уже поможешь? Вот я и пошел поглядеть, что там и как. Успел не много, нарвался на дозор из лучников. Они стрелять мастера, да и я не прост – троих уложил, а четвертого живьем взял, хотя сам уже от ран на ногах не держался. Но тот понял, что мне терять нечего, решил шкуру свою спасти и вы-

дал все дозоры, сколько кого и где. Я его там и оставил, чтоб тревогу не поднял.

Он жутко закашлялся, сипя дырами а пробитой груди, губы окрасились загустевшей кровью, в глазах появилась смертельная поволока.

– А вообще скажу по чести... – неожиданно ясным голосом вымолвил он. – Струсил я, бросил в беде соратников! Хуже пса шелудивого. Как теперь после смерти предстать пред Богами и предками? А у меня дома двое сынов остались... Как им жить, зная, что отец умер трусом? Помогите!!! У меня не хватило сил вступить в битву, но я все разведаль, даже ногтем на бересте карту вычертил. Разберете... Если подсобите нашим бежать из полона, то вроде как и моя смерть не напрасна. Не герой, конечно... Но все же не трус.

Он замолк и больше не промолвил ни слова, будто растратил все силы, дыхание замерло на растрескавшихся губах. По телу пробежала вялая судорога, чуть встопорщив чешую на доспехе и это было последним движением навеки почившего витязя.

Доспех с незнакомца пришлось таки снять. Слишком тяжело в железе до леса тащить, а в степи для погребального костра дров не сыщешь.

– У него и впрямь карта! – уставился на кусок бересты Витим. – Так... Разобрать бы... Ну да, вот кромка леса, а тут начертано про уличей – пятьдесят стрелков. А это что за резы? Тоже, видать, какое-то племя, только этих уже пять

сотен. Ничего себе! В лесу они значит, совсем рядом. Это что? Дозоры? Точно... Так вот ты каков, незнакомец! Тяжко тебе пришлось без оружия... Только из-за доспеха выжил, все удары на себя принимал. Вроде и трус, а коль по другому взглянуть – герой. Сунулся бы в сечу, тоже попал бы в полон, а так может какая польза и выйдет. Знать бы имя твое для верной тризны... Значит пять сотен... Не многовато для пахарей?

– Нда... – Ратибор почесал пыльную шею. – Ничего я не понимаю в последнее время... Ромей бросает целехонький корабль – необычно и странно. Мирные уличи берут в полон боевитых тиверцев – просто ни в какие ворота не лезет! У меня такое чувство, будто вокруг нас все с ума посходили. Ведут себя странно, непредсказуемо. Тут надо заранее все продумать, а то попадемся как куропатки в силоч.

– И что ты предлагаешь супротив полтысячной рати? – недоверчиво спросил Волк.

– Ну уж никак не в напуск идти и не осаду ставить! Тут надобно хитростью действовать... Перво-наперво подумать, отчего они тиверскую дружину заплонили. То ли решили рассориться, то ли руки для дармовой работы нужны. Ежели первое, то нам опасаться нечего. Зайдем в их весь по нормальному, а там поглядим. Но если они робичей ищут, то с оружием нам туда соваться не след, потому как дарить свой меч я пока никому не намерен. Лучше прикинуться крестьянами, мол лучшей доли ищем, а когда случай подвернется,

вдарить по самому слабому месту. В любом случае без разведки соваться нельзя. По этой карте я с точностью даже не могу сказать сколько там воинов, а сколько пленных. Улицей ясно – полсотни. А кто там еще? Кто-нибудь может прочесть эти резы, кого тут полтыщи?

Друзья задумчиво покачали головами, никто не знал племени, означаемого таким сочетанием знаков.

– Вот видите! – развел руками стрелок. – Надо все сначала разведать.

– Может из лесу поглядим? – предложил Сершхан. – Чего сразу к Ящеру в зубы соваться? Оглядимся, а потом вдарим как надо.

– Есть одна беда... Вы не обижайтесь, но из вас, кроме Волка, по лесу незаметно никто не пройдет. Я же, хоть ходоком по лесам не особый, смогу спрятаться так, что птицы на мне гнезда вить начнут. Ни одна зараза не разглядит, сами знаете.

– Вот и посмотрел бы, да нам рассказал. – хмуро глянул Витим.

– А если вдруг что... – озабоченно покачал головой Волк. – Он там один останется? Нет уж. Лучше сделать так, как Ратибор говорит, всем пойти к улицам, а его в дозоре оставить.

– Без оружия? – Витим постучал пальцем по лбу. – Это ты гоже придумал, ратую. Сам и пойдешь, у меня с головой все в порядке. Не хватало еще на каких-то улицах спины гнуть

до скончания веку.

– Я разве сказал без оружия? – хитро прищурился стрелок. – Я сказал, что ВЫ пойдете туда без оружия. С меня без лука все равно толку мало, а вот с луком я вам пригожусь, заодно и за мечами присмотрю, пока вы там все разужнаете. Лес густой, для меня затеряться – раз плюнуть. А вы смотрите в оба, увидите знак от меня. Какой точно я сейчас не скажу, дело по всякому повернуться может, но вы его поймете, не сомневайтесь! Как случай для напуска представится, мои стрелы вам станут подмогой и оружие будет рядом. Верное дело!

– Верное... – кивнул воевода. – Это если хочешь дармового меда на нашей тризне нажраться. Да тока не выйдет. Может пройдем хоть раз стороной? У нас дело есть поважней племенных уособиц – вражий меч отыскать, от него гораздо больше жизнью зависит! Если тиверцам вообще есть угроза. Поссорятся, помирятся... Нам что за дело?

– Нас попросили... – уверенно молвил Волк.

– Что за люди... – не на шутку осерчал воевода. – Лишь бы подраться! Я же говорю, важное дело есть, а вам бы только кулаки почесать.

– Можешь идти искать свою железяку! – вспыхнул Волк. – Нас герой попросил о помощи, я мимо не пройду! Ратибор неплохое дело задумал, верное! Со мной кто-нить пойдет?

– Не горячись. – Сершхан грустно поглядел на рукоять сабли. – Без оружия, так без оружия. В первый раз, что ли?

Я согласен.

– Тьфу на вас! – Витим сорвал со спины меч и швырнул Ратибору под ноги. – Только пахать я там не намерен, так и знайте!

Высоченные вихри пламени гудели в темнеющих небесах, искры погребального костра металась между деревьев, путаясь среди редких сумеречных звезд. Лес безмолвствовал, глядя на трех путников, склонивших головы в глубоком почтении к павшему, но их чуткие уши, привычные вычленять голос опасности из любой тишины, говорили о близком присутствии чужаков. И хотя глаза отражали только быстро темнеющий лес и мечущиеся языки огня, друзья напряглись, готовые к любой неожиданности.

– Не велик ли костер для ужина? – раздался из-за кустов насмешливый голос.

Друзья медленно огляделись, заметив несколько замаскированных сажей лиц поверх наконечников длинных уличских стрел.

– Кто там прячется? – стараясь выглядеть испуганным вскрикнул Сершхан.

Халат он оставил с Ратибором, оставшись в одной исподней рубашке поверх широких портков. Поэтому вид имел совершенно не грозный.

Волк и вовсе мелькал голым пузом, но кожаные штаны на себе оставил, не срамом же врага страшать. Витим одежду

менять не стал, просто сгорбился и втянул голову в плечи.

Из-за кустов раздался дружный хохот.

– Они еще вопрошают! Сами-то кто такие?

– Мы из под Киева... – начал воевода, честно играя роль старшего. – Крестьяне, значит. Ищем лучшую долю, то-ись... Где поменьше работать, да побольше пожрать. Пока не сыскали. Зато мертвяка нашли, схоронили как полагается.

– Лучшую долю! – лучники посмеиваясь вышли в ответ костра, поняв что прятаться смысла нету. – Считайте, что нашли. Правда Боги никогда не дают все в точности. Так и тут... Работы хоть завались, а со жратвой туговато. Но с голоду еще никто не помер. Пока.

– Не... – обиженно протянул Волк. – Мы как-нить пойдем потихоньку... Работы и дома было навалом, нам бы чего получше...

– Да кто вас, скотов, спрашивает? – вмиг посерьезнев гаркнул старший из лесных стрелков. – А ну быстро вперед! Попробуйте только рыпнитесь! Будете тогда искать лучшую долю со стрелами в заднице. Ну!

Он грубо пихнул Серсхана в спину, тот не удержался и шагнув пару раз, грохнулся на колени. Витим подал ему руку и тут же получил со всего маху луком под колени, вскрикнул и повалился спиной назад.

– Ишь... Резвые! – наступив воеводе на горло, усмехнувшись предводитель уличей. – Нам как раз такие нужны, лес валить. А то тиверцы дохнут как осенние мухи, видать тяжелее

ложки и круглее миски в своей жизни ни хрена не видали. Ну, вперед, скоты немытые! Разлеглись...

Друзья кряхтя поднялись и гуськом заковыляли в указанном направлении, тычки, пинки, удары сыпались на них со всех сторон, туманя взор не притворными слезами. Витим очень старался не сжать кулаки, хотя ладони так и дергались от каждого резкого окрика, он еще ниже склонил голову и силился представить какое-нибудь другое место, но ничего не вышло – болючие пинки по коленям цепко держали в реальности.

Их вывели на широкую лесную тропу, трава под ногами торчала редкая, чахлая, вытоптанная частой ходьбой. Волк старательно приноживался запоминая дорогу, но только попробовал оглянуться, в миг схлопотал тяжким кулачищем в затылок. В глазах поплыли кровавые круги.

– Я те поозираюсь, скотина... – рыкнули сзади. – Надолго запомнишь! Сам озиаться забудешь, еще и детей выучишь, чтоб не озирались... Правда своих тебе боле не видать, мы тут девок не держим, да и не до них тебе станет после работы. Ну! Вперед!

В голую спину с удовольствием пнули, да так, что чуть хребет не сломился, Волк растянулся во весь рост, подавившись надрывистым кашлем. Вставать уже не хотелось, прелая листва и старая хвоя под щекой пахли успокаивающе, а ласковый вечер накинул на волосы покрывало спокойствия и прохлады. В глазах плыло, сердце колотилось тяжким моло-

том, но витязь нашел в себе силы подняться и шатаясь двинуться вслед за друзьями.

— Смотри, Шамыга, не зашиби пленников! — хохотнули на предводителя. — А то Кряж с тебя все кишки повытянет... Работы невпроворот, нужно еще частокол в два ряда городить, рыть ловчие ямы, на тропах засеки ставить. Так что робичи у нас нынче в цене, особенно после того, как люд о наших переменах проведал, стал стороной обходить. Эдак скоро придется ходить до фактории, ромеев в полон брать.

Лучники дружно заржали, представляя выгоды с такого похода — ромеи совсем разжирили, драться не мастера, а добра у них хоть отбавляй. Вот и надо отбавить.

Тропа наконец вывела к огромной, вырубленной в лесу поляне: частые костры отбрасывали неверные отсветы, повсюду виднелись ямы, кучи рыжей земли, под ногами хрустела стружка, щепки, пахло сырой древесиной, немытым телом и безысходностью. Несмотря на вечерний час стучали топоры, потрескивали от натуги веревки, лохматые волкодавы с остервенелым лаем кусали воздух, а тугие хлысты жадно рвали вспотевшую плоть. Все скрипело, грохотало и двигалось.

Витим украдкой оглянулся, сосчитав в мерцающем полумраке чуть меньше полусотни работников, по большей части тиверцев, грязных, усталых, с тупым безразличием таскавших тяжкие бревна и как во сне махавших зазубренными топорами. Лучники ввали — девки тут были тоже, воево-

да приметил троих, тягавших хворост к огню, одна, самая старшая, постоянно озиралась на возившегося в куче стружки мальчонку. Но никакого желания они и впрямь вызвать не могли, чумазые, худющие как раздвоенная снизу веревка, волосы спутались в неопрятную паклю.

Из свежесрубленной избы вышел, почесывая спутанную гриву черных волос, здоровенный мужик в потертой коричневой куртке, черные портки мелькали заплатами, но шикарно расшитый матерчатый пояс и ладные сапоги выдавали в нем предводителя всей этой шайки. Он в полглаза глянул на работавших, почухал задницу волосатой ручищей и с интересом повернулся к бредущей через стройку процессии.

– Эй, Шамыга! Растудить тебя... – пропитым голосом взревел он. – Кого это ты приволок?

– Да так, Кряж, попались крестьяне подкиевские... – отмахнулся предводитель лучников. – Лучшей доли искали. Погляди какие крепкие, из одних жил свитые! Ладные будут робичи!

– Крестьяне, гришь?

Кряж недоверчиво взглянул на здоровенного Витима, но гораздо дольше рассматривал быстроглазого Волка и хмуро озиравшегося Сершхана.

– Эти-то крестьяне? – усмехнулся атаман, подходя вплотную. – Двое за сохой на второй день сдохли бы, а этот бугаина сохой хрен прокормится. Дурачье! Кого привели, спрашиваю?!

Он ухватил Витима за плечо, сорвал повязку и, шевеля пористым носом, оглядел рану. Снова усмехнулся и не оборачиваясь шархнул Шамыгу в челюсть. Волосатый кулак грохнул неожиданно и зло, лук отлетел шагов на пять в сторону а незадачливый стрелок, крутнувшись в воздухе, растянулся во весь рост в куче сырой земли.

– В следующий раз подумаешь, дурень, кого сюда тягать нужно, а кого не след! Неужто сам не отличишь воина от пахаря? Ладно, подымайся! Разлегся...

Шамыга с трудом поднялся, вся рожа в приставших комьях глины, но стоял ровно, преданно заглядывая в рот предводителю. Кряж довольно оглядел его с головы до ног и обратился к Витиму:

– Кто такие, откуда пришли, за каким лешим я вам понадобился?

– Мы и впрямь бывшие ратники, да только новый князь вышиб нас из города как пособников Ярополка. Татьбой жить страшно, да и соромно, вот и стали пахать.

– А откель свежая рана?

– Тати на нас напали! Мы в драке троих потеряли, еле ноги унесли...

– Хреновые значит бойцы, не зря вас из дружины поперли! – довольно улыбнулся атаман. – Ладно, эту ночь проведут в яме, а по утру поглядим какую работу им дать, чтоб проку было побольше.

Шамыга ухватил Витима за ворот и с удовольствием ши-

банул коленом промеж ног, воевода согнулся, выпучив глаза, ноги не удержали, косо уронив тело на землю. Кряж пристально смотрел, как сотоварищи полоненного здоровяка безучастно взирают на корчащегося в пыли друга. В глазах мелькнула тень удивления, сменившаяся огнем торжества.

– Тащите в яму! – гаркнул он лучникам. – Кормить пока не стоит, а дальше видно будет. Утро вечера мудренее.

Витима потянули за ворот рубахи, он даже не пытался подняться, только прикрыл лицо от попадавшихся камней и поленьев. Друзья двинулись следом, глядя под ноги понурыми взглядами, пинки то и дело заставляли их спотыкаться. То ли в целой веси не было лестницы, то ли лучники поленились за ней сходить, но пленников просто скинули с края ямы, не забыв помочиться на распростертые внизу тела.

Сверху яму закрывало только звездное небо, но глубина в четыре роста и сыпучие стены не позволяли даже помышлять о побеге. Кроме того тихое бегство никак не устраивало утомленных за день витязей, они пришли освобождать тиверцев и отказываться от задуманного не собирались.

– Ну вот и устроились. – довольно молвил Волк. – Не княжья светлица, но бывало и хуже.

– Это точно! – с трудом усмехнулся Витим. – Тут хоть дерьма не по колено, как в яме у аримаспов.

– И солнце не шпарит как в сарацинской пустыне. – устроился у самой стенки Сершхан. – Красота!

Волк прислушался, потянул воздух носом, но не почуяв чужого присутствия в опасной близости, тихонько кивнул:

– Рядом никого нет, все заняты надзором за пленными. Собаки бегают повсюду, но нам они пока не помеха. Говорить можно спокойно.

– Ну что ж... – воевода сел, упершись спиной в теплую земляную стену. – Все тут ясно. Улицы укрепляют весь против напуска, робичей стерегут исправно, одних псов не меньше десятка. Надзиратели вооружены луками, так что особо не побегаешь, стоят хорошо, а трое устроились на крышах достроенных изб. Запросто не достанешь.

– Добро, что Ратибор где-то в лесу... – улыбнулся Волк. – Этому лучники до одного места.

– Знает ли он про собак? – с сомнением качнул головой Сершхан. – Эти волкодавы чужака учуют издалека, как бы беды не вышло. Хотя уши у него вроде на месте, зазря соваться не станет.

– То-то и плохо! – погрустнел Витим. – Мы не знаем точно где наш стрелок, видит ли нас и что там с его тетивой... На него надеяться надо, но самим расслабляться не след. В напуск пойдем завтра, потому как больше дня я тут надрываться не стану. Перво-наперво нужно договориться о сигналах меж собой, не говорить же как есть при враге, а во вторую голову предупредить пленных, может подсобят чем-нибудь. Тиверцев поручим Волку, а об остальном перемолвимся прямо сейчас.

Он призадумался и начал объяснять, пальцем вычерчивая что-то на пыльном полу. Снаружи ночь быстро вступала в свои права, шум работы помаленьку стихал, только крики надсмотрщиков и лай собак разрывали сгустившуюся темноту. Тиверцев загоняли в две длинные избы, назначенные под амбары, щелкали хлысты, псы рычали и лаяли, брызгаясь пеной.

Но вокруг вырубленной людскими руками поляны лес жил привычной вечерней жизнью, вылезали из логовищ звери, просыпались ночные птицы, и нетопыри вылетали из теплых укрытий в дуплах. Серый мотылек сорвался с ветки, метнулся из густой листвы, трепещущие крылья понесли на свет догоравших костров, оставляя в воздухе незримый шлейф из пылицы. Он уже почти бросился в пламя, когда чуткие усики уловили поток запаха, манившего сильнее чем свет. Это был запах самки, мощный, оглушающий, на чисто подавляющий волю. Он тянулся длинными струями через всю поляну, взмывая к небу от жара костров, вел в лес, все дальше от губительного огня. Мотылек рванулся к желанной цели по нитям неощутимого человеческого нюхом запаха, усики цепляли пыль с тихо распускавшихся звезд.

Самка сложила крылышки на широком дубовом листе, и удачливый сородич, описав в ночном воздухе крутую петлю, пристроился рядом. Его сетчатые глаза еще отражали едва видимый свет далекого костра, усики не сбросили последние частички дыма, но что-то новое потревожило его, настолько

слабое, что запах самки пересилил возникшую было тревогу. Успокоившись он приблизился к ней, не замечая в двух вершках от себя пару пристальных серых глаз на измазанном влажным черноземом лице. К подсыхающей грязной корке прилипли листья, хвоя и мелкие сучья, даже комары пролетали мимо, не чуя человеческого тепла под этим слившимся с лесом покровом. Ратибор незаметным движением отвел от лица ветку, все же спугнув двух бабочек, и принялся внимательно оглядывать поляну в угасающем свете костров. В память впечатывалась каждая мелочь: где разлита вода, сколько шагов между избами, где отрыты глубокие ямы и в каких местах враг может схорониться от пущенных стрел.

Тиверцев уже загнали в амбары, навесив на ворота увесистые брусья. Псы разбрелись по всей поляне, а надсмотрщики устало сгрудились в кучу возле одного из костров, накидав в огонь свежего хворосту. Их было ровно четыре десятка, вооружены короткими мечами, удобными в тесной рукопашной схватке и длинными луками, привычными для уличей. Девочек в общий амбар запирать не стали, одна из них надрываясь вытащила из жилой избы бочонок ола, а две другие принялись суетливо готовить ужин на углях соседнего костра. Кроме надсмотрщиков Ратибор разглядел еще пятерых воинов державшихся особняком, в ладных, очень странных доспехах из широких булатных пластин, подтянутые, быстрые, на поясах одинаковые мечи в ножнах, у каждого круглый щит, обшитый железом. Они даже на отдыхе не снимали

сверкающих шлемов, не расслаблялись ни на миг, вслушиваясь и всматриваясь в темневший рядом лес. Стрелок почувствовал себя неуютно, казалось, от этих взглядов не ускользнет ничего, даже его глаза, еле заметные в густой кроне дерева.

Судя по лицам и узорам на щитах, это были поляки. Один Ящер знал, что они делали так далеко на юге, но гораздо больше удивляло другое – вооружение и манера держаться выдавали незаурядных воинов, скорее всего наемников и уж в любом случае отлично обученных, прекрасно вооруженных. Это было не просто странно, это веяло чем-то страшным, поскольку обычно поляки славились еще большей бесшабашностью и разнузданностью, чем даже русичи, а близость к западным странам, не знающим чистоты, делала их еще и редкими неряхами.

Эти же пятеро настолько отличались от других, виденных Ратибором поляков, что поначалу он даже с облегчением решил, что ошибся. Чего только не померещится в темноте, сквозь густое мельканье посеребренной лунным светом листвы! Но не только лица и щиты выдавали родину странных воинов, стрелок со все большим волнением разглядывал новые и новые подробности – покрой сапог, манера застегивать пояс на правую сторону, измененная, но все же узнаваемая форма шлемов. И все же какая огромная разница между этими молчаливыми быстроглазыми воями и теми разудалыми их собратьями, с которыми русичи не раз сталкивались

на полях сражений. Казалось, им сменили не только оружие и доспех, не только манеру держаться, но и душу вложили другую – темную и непонятную.

Испугать Ратибора было сложно, он и сейчас не боялся, но холодная напряженная тревога проползла в душу как липкий серый туман под рубаху. Нет ничего страшнее непонятно-го... Что можно объяснить, с тем можно и бороться, а неизведанность всегда тревожит сильнее, чем открытая, пусть даже грозная, опасность. А уж тут каждый взгляд прибавлял загадок! Где знаменитая польская лень, где пузатый кувшин вина и покатый бочонок меда? Где широкие рубахи с до пупа развязанным воротом?

Стрелок зябко поежился от упавшей за шиворот крупной капли ночной росы. Нет... Эти пятеро поляков были не из ленивых, а невиданные доспехи, похожие на панцири сверкающих черепах, не снимали даже на отдыхе у костра. По всему было видать, что уже несколько лет жили только войной, а такая жизнь не прощает неумех, для них она просто бывает короткой. Однако молодых среди них как раз таки не было, что здорово усиливало впечатление.

Присутствие поляков в разбойничьей шайке несказанно удивило Ратибора, но еще больше насторожило, ведь атаман явно не имел средств содержать столь могущественную дружину за собственный счет. Значит истинный покровитель уличей куда более грозен, чем можно было подумать. Странно и неожиданно. Не говоря уж о том, что иметь врагами обу-

ченных польских воинов в столь необычном вооружении — дело не из приятных. Наемники поглядывали на уличей с нескрываемым презрением, но и те обращали на чужаков не больше внимания, чем на пустое место, между ними словно высилась непроницаемая стена, устраивавшая обе стороны.

От взора укрывшегося стрелка не ускользало ничего, он уже знал насколько нужно натянуть и наклонить лук, чтоб стрела поразила каждую цель в самое уязвимое место, он прикинул последовательность выстрелов, назначив в первую голову самые неудобные и опасные цели. Он мог бы убить всех разбойников, оставаясь невидимым как древний дух леса, но число стрел в колчане и наличие польской дружины мешали ему сделать решающий шаг. В яме сидели друзья и любая ошибка могла стоить им жизни. Не спешить... Вот первая заповедь ночного стрелка, первое чему Ратибор учился у учителя-тиверца.

Кряж выбрался из избы как медведь из берлоги, широкий, крепкий, и явно довольный сделанной за день работой. Он прошелся по поляне, пробуя на прочность вбитые в землю колья, подобрал забытый кем-то топор и уселся возле костра. Улички почтительно потеснились, уступая место, до Ратибора долетел хохот и обрывки фраз, но расслышать все разговоры мог бы разве что Волк с его невиданным слухом. Берестяные кружки пошли по рукам, расплескивая густую пену темного ола, крики стали громче, но куда неразборчивей, так что стрелок бросил прислушиваться и стал впитывать обстанов-

ку глазами.

Один из поляков встал и окликнул атамана, тот даже вздрогнул от неожиданности, но подошел к воину, стараясь сохранять независимый и расхлябанный вид. Наемник что-то спросил Кряжа, показывая в сторону ямы, непроницаемость лица не давала возможности определить настроение, а рот привычно сглаживал фразы, не позволяя читать по губам. Ратибор чуть не сплюнул с досады, хотя сам нередко пользовался тем же приемом. Атаман стал что-то долго и подробно объяснять, то разводя руками, то колотя себя кулаком в грудь. Он явно оправдывался, чего уличи старались не замечать. Поляк кивнул и вернулся к своим, а Кряж постоял немного, махнул и снова уселся у костра, разом осушив полную кружку ола.

Языки огня метались, раскидав по поляне неверные тени, но поляки развели поодаль свой костерок, гораздо скромнее, мерцавший в полутьме крупными угольями и редкими синеватыми огоньками. Луна уже поднялась над верхушками деревьев, серебристый свет мягко струился, как прозрачный лесной ручей, ровно и явственно высвечивая каждый листок на деревьях. Но стрелок не беспокоился, знал, что узреть его в укрытии можно только столкнувшись носом. Поляки совещались, мерцание огней и густая тень надежно укрыли лица, не позволяя уловить даже обрывки фраз. Вскоре один из них молча поднялся, закрепил щит на спине и не перекинувшись ни единым словом с Кряжем, отправился через всю поляну

к одиноко стоявшему сараю. Раскрыв ворота он вывел оттуда черного как смоль коня, грузно уселся в седло и поскакал прямо в темнеющий лес, мелодично свистнув одну из собак.

Это так удивило Ратибора, что он не задумываясь слез с ветки, стараясь ничем не выдать своего присутствия, закинул лук за спину и не разбирая дороги рванул на запад, вслед удаляющемуся стуку копыт. Он не мог взять еще три тяжелых меча и лютню, поэтому без размышлений оставил вещи друзей в дупле огромного дуба, это добавляло ответственности – в случае его гибели их не сыщет даже Волк с его нюхом.

Луна светила прямо в спину, бросая под ноги сеть неверных теней, нависавшие кроны дубов скрывали звезды, но широкая тропка уверенно вела через лес, а приглушенный опавшей листвой конский топот, надежно указывал направление. Ратибор бежал стелющейся волчьей рысью, берег силы для долгой дороги. Широко расставленные локти, позволяли прохладному воздуху беспрепятственно врываться в грудь, а ноги ступали мягко, бесшумно, пропуская под подошвами сапогов версту за верстой.

Стрелок мог бы бежать и быстрее, но воспоминание о лохматой собаке не позволяло приближаться к противнику. Собака – первый враг любому тайному воину. Человека можно обмануть, подкупить, напугать наконец, но собака, как и любой зверь, слушает только голос природы. Хорошо обученный пес стоит среднего воина – отсутствие воображения заставляет его бояться только реальной опасности, звериная

ярость позволяет бросаться и на острия копий, а резкость и выносливость близко не сравнятся с человеческой.

На четвертой версте начала напоминать о себе кольчуга в полтора пуда, но желание узнать конечную цель всадника отгоняло мысли о боли в плечах. Перед поляком могло стоять две задачи – предупредить кого-то, либо позвать на помощь, в любом случае ему нельзя дать добраться до цели, но не менее важно узнать какова она есть, эта цель, и кто же там ждет ночного посланца. Главное не прозевать момент... Если первая заповедь ночного стрелка говорит: «Не спеши!», то вторая, не менее строгая, напоминает: «Не опоздай!»

Самый верный способ не опоздать – это вырваться вперед. Ратибор на миг задумался, резко свернул чуть влево и тропка осталась в стороне, проявляясь лишь удаляющимся стуком копыт. Ветки с хрустом хлестали в лицо, срывая отсохшие комья грязи, толстые корни так и норовили зацепиться за ноги, но опыт, обретенный в беспокойной жизни и острый глаз, позволяли распознать все препятствия загодя. Лес чуть поредел и стрелок прибавил ходу, сменив спокойную волчью рысь на рвущий жилы рывковый бег. Такой утомлял гораздо быстрее, но сейчас важна была скорость.

Он снова взял направление строго на запад и приглушенный конский топот остался в четырех десятках шагов от правой руки. Едущий тихой рысью всадник стал по чуть-чуть отставать, что сильно прибавило сил, даже дышать стало легче. Стрелок еще поднажал, руки отводили безжалостно хлы-

ставшие ветви, дыхание чуть сменилось, шумно вырываясь наружу, и всадник стал отставать гораздо уверенней, теперь стук копыт едва доносился сквозь гущу ночного леса.

Ратибор снова рванул вправо, перескочил через полусгнивший пенёк и скоро выскочил на тропу не меньше чем в сотне шагов впереди поляка. Тропка ровно стелилась под ногами опавшей листвой, теперь бежать стало вовсе легко, силы не тратились на пустые прыжки и виляния. К густому запаху леса постепенно прибавился дух людского жилья, луна затуманилась едва заметной пеленой дыма, а отдаленный шум указывал на близкий лагерь многочисленного войска.

Стрелок остановился и повернулся навстречу приближавшемуся топоту, грудь тяжело вздымалась под покровом булатных колец, пришло время действовать, поскольку дальше поляка пускать нельзя. Никакого городища тут быть не может, о весях в этих местах тоже никто не слыхивал, а значит впереди раскинулся дымными кострами военный стан. А поразить с одного выстрела воина в добром доспехе, да еще когда луна светит прямо в лицо, не так-то просто. Любое неверное движение вызовет слишком уж много шума, чего возле вражьего стана допускать нельзя.

Прятаться было некогда, да и не нужно. Даже опытный глаз в полутьме не признал бы человека за толстым слоем облепленной листьями грязи. Так, полусгнившая колода у края тропы.

Ратибор присел на одно колено, скинул с плеча лук и ак-

куратно вытянул из колчана две стрелы. Первую ухватили за древко сверкнувшие в лунном свете зубы, а другая породнилась с туго натянутой тетивой. За густыми ветвями сверкнул шлем, мышцы напряглись, заученно натягивая толстый шнур из витых жил, лук наклонился чуть вверх, с трудом поддаваясь могучей силе. Стрелок боялся напугать коня, ведь в тихом лесу лошадиное ржание трудно с чем-нибудь спутать, он не спеша, аккуратно выцелил темный провал лица, задержал дыхание и разжал пальцы.

Рыжее оперение лишь на миг мелькнуло в лунном свете и тут же полутьма впереди ответила звонким ударом – стрела, пробив череп навывлет, прошибла еще и затыльник шлема. Тело, с хрустом ломающихся под доспехом костей, ухнулось в кучу опавший листвы, конь побежал веселее, освободившись от тяжелой ноши, только собака стала как вкопанная, нос шевелился, обрубленные уши ловили каждый звук. К счастью это был волкодав, приученный вступать в бой без лишнего лая, а не дворовая шавка, с перепугу тывкающая на каждый шорох. Огромный, черный, лохматый, могущий сцепиться в смертельном двобою даже с медведем.

Ратибор тихонько отпустил зубами стрелу, пальцы уверенно перехватили толстое древко, но даже этот, едва слышимый звук указал псине верное направление. Темная пасть разверзлась, обнажив огромные клыки, шерсть на загривке стала дыбом, а обрубок хвоста прижался к напряженному телу. Стрелок встретил глазами полный ненависти взгляд,

сердце забилося от древнего чувства человека, встретившего хищного зверя на узкой тропе, рука потянула тихо скрипнувшую тетиву. Булатное острие сверкало в лунном свете, дрожа от нетерпения сорваться и впиться в горячую плоть.

«Не убивай без необходимости!», – гласила третья заповедь ночного стрелка, перекликавшаяся с Поконом предков. Ратибор ждал, хотя необходимость была налицо, пальцы дрожали от напряжения, взгляд цепко удерживал цель. Собака словно почуяла незыблемую уверенность затаившегося во тьме человека, никак не могла решиться на напуск. Постепенно ее пасть сомкнулась, прикрыв зубы от лунного света, шерсть улеглась и огромный волкодав, припав на брюхо, медленно пополз по тропе, отведя морду чуть в сторону. Стрелок не спускал взгляда с приближающегося зверя, булат наконечника глядел точно в сверкающий красным отсветом глаз. Он никак не мог решиться – выстрелить или просто отпустить тетиву, но ползущая на брюхе несчастная тварь, только что потерявшая хозяина, теперь вызывала больше сочувствия, чем страха. Рука ослабла, медленно отпустив тетиву, наконечник разочарованно уткнулся в сырую землю, но два взгляда – звериный и человеческий, продолжали неслышную битву за право считаться сильнейшим. Ратибор знал, что стоит отвести глаза, собака тут же вцепится в горло, поэтому он держал ее взглядом, как охотник держит медведя рогатиной, и псина не сдюжила, первой отведя взгляд, скульнула тихонько и грохнулась на спину у самых

ног, покорно открывая брюхо – самое уязвимое место. Это был знак подчинения, повиновения сильного перед сильнее-шим.

Стрелок, еле унимая дрожь, потрепал лохматую шкуру, готовый в любой момент ударить зажатой в кулаке стрелой, осторожно, не делая лишних движений, стянул с плеча мешок, непослушные пальцы еле справились с узлом, свободная рука нащупала кусок холодного мяса и протянула прямо к мокрому носу. Длинный синеватый язык слизнул добрый кусман, как лягушка слизывает сидящую на листе муху, только бугор прокатился под шерстью на горле, обрубок хвоста благодарно ударил по мокрой опавшей листве.

– Как тебя звать, собаченция? – стараясь не проявить дрожь в голосе молвил Ратибор. – Или у тебя, бедняги, и имени собственного нету?

Собака перевернулась на брюхо и уже совершенно беззлобно взглянула на мешок, ожидая добавки.

– Ага, размечтался! – стрелок смелей потрепал жесткую шерсть за ушами. – Мяса больше нету. Ладно, буду кликать тебя Обманщиком. Здорово ты меня напугал своими зубищами, а оказался совсем не злой. Или опять водишь за нос? Все, хватит нежностей, нам еще конячку ловить! Ну, вперед! И не отставай.

Конь, не чуя поводьев, едва отбежал на два десятка шагов, теперь выискивал что-то у края тропы, шевеля влажными губами. С этого места уже виднелись огни огромного стана,

раскинувшегося за лесом больше чем на половину версты. Ратибор привязал коня, шикнул на собаку, чтоб сидела спокойно и медленно, осторожно, двинулся к далеким кострам, крепко сжимая лук и не выпущенную стрелу.

6.

Витим ухнул бревно в назначенную яму и наконец перевел дух, рукавом вытирая струившийся пот. Солнце шпарило как жаровня, с голой спины Волка кожа сходила лоскутами, оставляя нездоровую красноту. Ближе к полдню воевода отдал ему свою рубаху, но все равно было худо – не смотря на пекло певца колотил мелкий озноб.

– Это жар от ожога. – хмуро пояснил Сершхан, вяло ковыряя заступом высохшую землю. – Ему бы лечь, да сметаной обмазаться, сразу бы полегчало.

– Чего уж проще... – сплюнул Витим и побрел за другим бревном. – Ящер бы побрал этих уличей...

Волк, стуча зубами, обтесывал колья, топор чуть не выпадал из слабеющих рук, но главное он уже сделал – тиверцы были предупреждены о побеге, переглядывались с надеждой и нетерпением, ждали сигнала. Надсмотрщики, здорово опухшие после вечерней гулянки, больше боролись с гудением в голове, чем подгоняли пленников, им было тошно с перепоею и на все наплевать, только бы дождаться вечерней прохлады. Даже сторожевые псы старались держаться в тени изб, крепкие челюсти лениво клацали, гоня огромных зеленых мух. Стук, гудение, скрип натянутых веревок, грохот бревен заполняли поляну, работа шла молча, на разговоры не осталось никаких сил. Уличи так же безмолвно и без-

участно глядели перед собой, словно не замечая друг друга. Жара одолевала, выжимала семь потов, раскалывала головы болью. Все ждали вечера.

С утра пленников разбили на пять тесных кучек и развели по всей поляне, не давая, если что, действовать сообща. По десятку тиверцев рыли ловчие ямы у каждой из трех троп, выходящих к поляне — одна почти с востока, другая шла напрямиком на юг, а третья вела на запад, самая широкая и проезжая. Остальные пленники рубили лес у восточного и западного краев, таскали бревна на обтеску и городили две пока не соединенные дуги частокола — короткую у юго-восточной тропы, и боле длинную между западной и южной. Сершхан рыл новые ямы под колья, еще больше удлиняя юго-западную дугу, Волк, вместе с двумя тиверцами, заострял бревна, а Витим, крихтя и ругаясь, таскал их к отрытым ямам.

По десятку надсмотрщиков, вооруженных мечами и луками сидели у восточной и южной ямы, лениво наблюдая за измученными жарой работниками, еще десяток расположился между западной ямой и кучей бревен, приглядывая за рытьем, но не упуская из виду лесорубов и длинную дугу частокола. А оставшиеся две пятерки стрелков на другом краю поляны внимательно следили за лесорубами восточной стороны и теми, кто ставил колья в короткую, юго-восточную дугу частокола.

Один лучник сидел на крыше атаманской избы в самом центре поляны, а справа и слева от него, на крышах амбаров,

поглядывали по сторонам еще двое. Эти стрелки простреливали почти всю поляну, но самое худое то, что достать их можно только из лука... Не лезть же на стены под прицелом десятка стрел!

Витим не знал где сейчас Ратибор, готов ли к напуску, можно ли на него надеяться. Неизвестность беспокоила больше всего, но от тяжких раздумий дела не идут лучше, так что вместо кручины надо было подумывать о том, как одолеть врага собственными силами. Он уже приметил одно безопасное место – за самым западным краешком длинной дуги частокола, ни один лучник со своего места не мог поразить цель за этой преградой. Долго там не продержаться, уличи к местам не привязаны, но на какое-то время прикрыться можно.

Среди тиверцев было много язвленных, еле державшихся на ногах, мало того, что с них толку в бою как с худого горшка, да еще обуза не малая – вытягивай их потом. Волк влез сюда не подумавши, друзей затащил, а сам скис как красная девица под солнечным жаром. Чтоб ему жилось долго и радостно... Нет, в последние дни удача определенно повернулась к ним задним ликом. Хотя рассчитывать на нее больше пристало безвольным и слабым, но и совсем без покровительства очень уж тяжело. На то Боги удачу и создали, чтоб хоть чуть-чуть сберечь силы людские.

Это же курам на смех! Вместо поисков вражьего меча, надрываться в этих забытых Богами местах, укрепляя

невесть зачем деревню каких-то уличей, будь они неладны... Сдались Волку эти полоненные тиверцы! На кой ляд нужны воины, кои за себя постоять не в силах? Сдаться горстке пропитых разбойников, когда сами с оружием были, в доспехах, да еще вдвое большим числом. Срамота! Таких и спасать не хочется.

Он подхватил на плечо шершавое от коры бревно, натужно крикнул и поволок к изогнувшемуся дугой частоколу. Сершхан как раз закончил выколупывать новую яму и злющий воевода от души вогнал в нее принесенный кол.

– Все! – прошипел он сквозь зубы. – Пора начинать. Не то я этих уличей один перебыю со злости, вам не достанется. А ведь драться как раз именно вам восхотелось, никак не мне, помните?

– Что ты бурчишь? – устало вздохнул Сершхан. – По крайней мере за одним бревном тебе все же сходить придется, иначе как Волка предупредить?

– Дудки! – огрызнулся Витим. – До Волка я схожу, но бревно тащить не стану. Чтоб им...

Он широким шагом направился к куче бревен, над которыми трудился Волк, тиверцы украдкой глядели вслед, видать почувствовали висевшее в воздухе напряжение.

– Все, Волчара, – подойдя шепнул воевода. – Хватит спину гнуть, а то заработался... Может тебе тут по нраву?

– Иди ты... – огрызнулся витязь. – Начинаем? Где Ратибор?

– Поди у него спроси! Я, грит, вам стрелами подсоблю... А сами ступайте чуть ли не голышом. Говорил, мол – ищи знак, а получилось – ищи свищи... Где знак, какой знак? Леший его знает!

– Тише ты! – шикнул Волк. – Не хватало чтоб надсмотрщики на нас внимание обратили... Бери бревно и тащи Сершхану, передай что я наготове.

Витим тяжело взвалил на плечо отесанный кол, снова помянул лешего, и пошатываясь побрел к Сершхану, тот как раз заканчивал новую яму.

– Думаешь за усердный труд нам жратвы добавят? – ухая кол в яму, усмехнулся воевода. – Как же, дождешься... Я Волка предупредил, можно начинать по вчерашнему уговору. На Ратибора надежды нет, видать нажрался и дрыхнет в кустах.

– погоди! Ты пробовал какой-нибудь знак разглядеть, одним нам понятный? Вот то-то! Зря на стрелка напраслину возводишь, он и твою шкуру не раз выручал. Давай осмотримся. Без него нам лучников на крышах достать будет сложно, половина тиверцев тут останется, а это не гоже, сам понимаешь.

– Да не может стрелка быть рядом! Псы кругом, они бы такой лай подняли, учуяв чужака... Нас не трогают только потому, что приучены к пленникам на поляне.

– Ты же знаешь Ратибора... У Ящера перед носом пролезет, тот не приметит. Ищи знак.

Они оглядели сплошную стену леса на юге, делая вид, что ровнее прилаживают воткнутый кол. Ничего. Только гудение мух и марево раскаленного воздуха.

– Может он с другой стороны пробрался? С полуночи? – снова ухватил заступ Сершхан. – Я не верю, что его нет.

– На полуночный край пленников не пускают... – Витим понял, что придется тащить еще один кол. – Но он не дурак, хоть лентяй и обжора. Так что если подойдет, то именно с полудня.

Он повернулся и обречено шагнул в сторону наваленных бревен, но остановился, привлеченный коротким стуком, словно сорвавшийся с руки заступ случайно ударил в частокол.

– Ты чего буянишь? – удивленно обернулся воевода.

– А ведь ты прав... – улыбнулся Сершхан с явным облегчением. – Иди к Волку, скажи, что Ратибор тут и прекрасно нас видит. Можно идти в напуск!

– Чего?!

– Тихо ты!

На широкой ладони Сершхана лежал обломок стрелы со знакомым оперением – темно-рыжим, с косыми черными полосами.

Витим даже вздрогнул, не поверив глазам, качнул головой и направился к Волку, на ходу подав тиверцам первый из условленных знаков – дважды громко кашлянул, для достоверности помянув Ящера. Пленники облегченно переве-

ли дух, сигнал пошел дальше, где кашлем, где чихом, где едва заметным взмахом руки. Всех охватило будоражившее кровь волнение, как это всегда бывает перед началом кровавой схватки, чаще застучали топоры, заступы глубже вошли в землю, хрустя щербатым железом. Представился случай вернуть утраченную свободу и никто из тиверцев не хотел его упускать, силы каждого словно удвоились, тела жили предвкушением боя, мысли крутились вокруг праведной мести.

Волк сидел на бревне в нескольких шагах от ближайшего надсмотрщика, топор с треском откалывал длинные щепы, роняя их в пахнущую древесной смолой кучу. Витязь и ухом не повел, расслышав сигнал, только рука удобней перехватила короткую рукоять. Все шло точно по задуманному, каждый был на своем месте. Витим брел устало, с каждым шагом приближаясь к валявшимся кучей бревнам, но глаза цепко выхватывали все опасности, ум решал какая из них будет поражена первой.

Самое главное – добыть оружие. Не очень-то повоюешь топорами и заступами. Воевода припомнил, что тиверцы, как и уличи, хороши в стрельбе, значит кому не хватит мечей, обойдутся луками. Он дошел до бревен, с кряхтением ухватив самый увесистый кол, спина напряглась, принимая тяжкую ношу, глаза в последний раз оглядели поляну и вдруг неожиданный боевой клич разорвал утомленный жарой воздух. Бревно полетело в самую гущу опешившего десятка

улицей, смяв шестерых, седьмой с хрипом повалился на спину, пытаясь выдернуть из груди брошенный Волком топор.

Витим как ветер рванулся к валявшимся в пыли мечам, кулаками вышибая жизнь из оставшихся разбойников, три тяжких стрелы веером стукнули в бревна, едва не цепляя обнаженную спину. Волк перекатился, заметив как лучники один за другим падают с крыш, рыжий сполох полосатого оперения вырывался у кого изо рта, у кого из пронзенного глаза. Да, Ратибор не подвел, подсобил в самый опасный момент.

Соскучившиеся по булату руки ухватили сразу два коротких меча, а ноги понесли на восток, туда где надзирателей было слишком уж много. Там шла кровавая бойня – мечи против заступов, но вихрем прорвавшийся к ямам Сершхан мигом изменил ход боя в пользу тиверцев. Он молотил заступом так, что широкое лезвие смазалось в смертоносное серое кольцо, брызгавшее во все стороны крупными каплями крови. Он пригибался, увертывался, прыгал как кошка, вертелся волчком, а белоснежная рубаха в нескольких местах уже расцвела багряными пятнами.

Воевода в запале ринулся туда же, но быстро понял ошибку, так как пришедшие в себя уличи мигом взяли их в перекрестный прицел, свалив метким залпом шестерых тиверцев. Новые стрелы тут же легли на луки и Витим с истошным криком растянулся по земле во весь рост.

– Всем на заход! – отплевываясь от поднятой пыли про-

ревел он. — За длинную дугу частокола!

Но это было не так просто сделать, — путь преградил целехонький десяток улличей, ставших плечом к плечу и уже натянувших луки. Пленные тиверцы оказались зажатыми между ними и сильно поредевшим десятком надзирателей у ямы, где отчаянно сражался Сершхан. Да еще с восточного края поляны донесся скрип десяти натянутых луков.

Всех спас Волк. Он изо всех сил швырнул пару коротких мечей, одним пробив вражье горло, широко расставил руки и прыгнул, сгребая тиверцев в только что отрытую ловчую яму. Это было единственное укрытие, в котором можно было спрятаться от стрел. Сершхан тоже ринулся вниз, увлекая за собой троих зазевавшихся пленников, а голова его последнего супротивника отлетела до самого леса вместе с обломком заступа.

Лучники потеряли цель и почти три десятка стрел разом ударили в темную гущу леса. Без защиты остался только Витим, растянувшийся в пыли возле избы Кряжа и лесорубы, работавшие с востока.

— Бегите в лес, дурачье! — не своим голосом заорал воевода, с трудом уворачиваясь от следующего залпа.

Но залп вышел не стройным. Ратибор, не боящийся теперь ранить своих, показал искусство лучного боя во всей ужасающей красоте. Оставаясь в густых ветвях невидимым и неслышимым, прикрытый надежной кольчугой, он мог с легкостью выцеливать любое место на огромной поляне.

Три стрелы вылетели из леса почти одновременно, скосив на месте троих ближайших улицей, но семеро спрыгнули в свободную яму и начали без прицела молотить в лес, пытаясь достать стрелка большим числом стрел. Им помогали с обоих краев поляны не укрывшиеся в яме разбойники, но никто из них точно не ведал куда именно нужно стрелять. Зато для Ратибора все были как на ладони и каждая его стрела несла на кончике булатного жала смерть.

Под прикрытием невидимого стрелка, лесорубы без потерь вломились в спасительный лес, подгоняемые могучим басом Витима. Но теперь сам он остался в очень опасном положении – ничто не прикрывало от вражеских стрел, а тут еще очнулись от сонного оцепенения псы, заматались, науськиваемые уцелевшими улицами.

Из леса Ратибор мог бы запросто перебить всех разбойников, но дольше оставаться в укрытии было нельзя, нужно было хоть чем-то отвлечь лучников от Витима. Стрелок, подумав лишь пару мгновений, рысью соскочил с дерева, неожиданным появлением привлекая к себе внимание врага.

Страшный как леший, облепленный черной грязью и листьями, он кувырком ушел от свистнувшего издалека залпа, стал на одно колено и пустил в ответ четыре метких стрелы, свалив в пыль захрипевших лучников. Остальные сразу позабыли про лежащего у избы Витима и принялись поливать градом стрел жутковатого лесного стрелка. Били метко, спасала только кольчуга.

Псы всей сворой ринулись к лежащему в пыли Витиму, злобный лай разорвал свистящий стрелами воздух, клацанье зубов слилось в жуткий, почти металлический лязг. Укрыться от страшных пастей можно было только в избе атамана, до леса не добежать даже ради спасения жизни. Тут уж Воеводе ничего не осталось, только вскочить во весь рост и рвануться в жилище Кряжа. Часть уличей сразу взяли его на прицел – оперения надрывно свистели вокруг, только быстрота и увертливость спасали от злого булата, сухо бившего в бревно избы.

Ратибор прикрыл его целым градом пущенных в обе стороны стрел, правда бил без прицела, стараясь напугать противника невероятной скоростью залпа. Это удалось лишь отчасти – все внимание перенесли на него, и несколько булатных наконечников ударили в спрятанную под кафтаном кольчугу. Зато воевода успел добежать до двери, вышиб ее всем телом и ввалился внутрь, увлекая за собой целую свору собак.

Оттуда раздались дикие крики, отборная ругань и истошный рык, но Ратибор не отвлекаясь продолжал стрелять, одного за другим выбивая лучников медленно пятившихся спинами в лес. Лицо хранило незыблемое спокойствие, руки работали в единой череде движений, словно кругом шла не кровавая битва, а потешный бой притупленными стрелами. Глаза не отвлекались на проносящиеся и быющие в кольчугу булатные острия.

Он свалил всех. Враги падали с хрипом, широко раскинув руки или сворачиваясь пополам, страшно кричали, пытались ползти, но силы быстро покидали их вместе с кровью.

Уцелевшие в яме разбойники тут же ответили шестью меткими стрелами, били почти в упор, так что и без того пострадавший Ратиборов кафтан разлетелся рванными клочьями, обнажив сверкающие кольца кольчуги. Правда это был последний залп – опомнившиеся тиверцы, под командой Сершхана и Волка, окружили улочей плотным кольцом, вынудив сдаться под прицелом десятка захваченных луков.

Лес постепенно выталкивал из себя тишину – раненные Ратибором не жили долго, но из атаманской избы до сих пор доносился собачий визг и крепкие речевые прихваты.

– Так, всем в лес! – обратился к тиверцам Сершхан. – Этих повяжите и забирайте с собой, пускай теперь поработают... Живо! Нам еще воеводу своего выручать.

– Не будем мы их полонить! Тиверцы отродясь врагов в рабство не брали! – горячо возразили ему.

– Тогда разоружите и пусть бегут, пока целы. Тока не мажьте тут, заради Богов! Не известно что там в избе делается...

Но никто не успел шевельнуться. Небольшое оконце, затянутое тонкой кожей, с треском вылетело вместе с рамой, показав лохматую голову Кряжа, он орал и ругался, бешено выпучив глаза, плечи мешали вывалиться наружу, а что-то изнутри не пускало назад. Совершенно неожиданно через

конек крыши перевалился Витим, осторожно сполз вниз головой и с удовольствием ухватил атамана за волосы.

– А-а-а!!! – пуще прежнего взвыл Кряж. – Отпусти, Богами прошу! У-у-у-у! Чтоб тебя!

Друзья переглянулись и не жалея ног бросились к избе.

– Назад! – подняв голову взревел воевода. – Всем в лес! Ратибор – на дерево! Живо! Ящер меня задери! Там псов полна изба!

Сершхан понял все первым, развернулся и чухнул в лес, только пыль столбом, Волк немного опешил, но тут же рванулся следом, сзади натужно дышал Ратибор. Они вломились в лес, заметив как мелькнули впереди спины тиверцев, но стрелок, к удивлению друзей, не стал лезть на дерево, а побежал вправо, сильно отклоняясь на запад.

– Ты куда? – сбивая дыхание крикнул Сершхан. – От псов так не уйти, лезь на дерево, перелупишь их стрелами!

– Зачем? – улыбнулся Ратибор, направляя бег к огромному дубу с черневшим на уровне головы дуплом. – Зазря животину губить...

Друзья влетели за ним в тень дерева и остановились, словно наскочив на незримую стену – прямо у ствола, ощерив клыкастую пасть, стоял огромный черный волкодав со вздыбленной на затылке шерстью, глаза злобно сверкали огнем.

– Окружили, Чернобоговы дети... – упавшим голосом молвил Волк. – Хоть бы один меч остался...

Но Ратибор как ни в чем не бывало прошел дальше. Психа, завидев его, припала на задние лапы и радостно завиляла обрубком хвоста.

– Ах ты, хороший... Ну вставай, вставай... – стрелок с улыбкой потрепал лобастую голову. – Напугался, Обманщик? Не бойсь, это други! Они тока с виду горозные, а так собачек любят... Пойдем, надо еще одного выручать, твоя помощь потребна.

Сершхан и Волк так раскрыли рты, что в них не то что муха, тыква пролезла бы.

– Это эээ... твоя собака?

– Длинная история... – отмахнулся Ратибор и свистнув, рванулся в деревню.

Здоровенный зверь помчался за ним, раскидывая когтями прелые листья, друзья переглянулись и бросились следом.

Витим так и сидел на крыше, только теперь он едва не падал от хохота, а Кряж вырвался из его цепкой хватки и как угорелый носился по деревне, портки в клочья, ноги в кровотокащих рубцах. Целая свора псов с лаем и рыком гоняла его из одной стороны в другую, не давая добраться до спасительных деревьев.

– Где вы бродите? – крикнул воевода, утирая смешливые слезы. – Ратибор, постреляй наконец собак! Я что тут, до ночи сидеть буду?

Псы разглядели выскочившего из леса Обманщика и немного опешили, не зная, кидаться на стоящих возле него

бывших пленников, или все же не стоит. Стрелок для убедительности потрепал черную гриву, а Обманщик лизнул его прямо в нос. По всему видать, псов это устроило, они отвернулись и вновь рванули за атаманом, но время было упущено, он вырвался из кольца и белкой запрыгнул на дерево.

– Вы хотите сказать, что мне можно слазить? – недоверчиво почесал бородку Витим. – Откель у вас эта псина? Свора ее за своего признала...

– Слазь, слазь! – рассмеялся Ратибор. – Что худого может случиться? В крайнем случае разорвут тебе задницу в клочья... Да не бойсь ты, видишь стоим, нас не трогают.

– Так вы им по морде сапогами не били... – воевода перевалился через край крыши, повис на руках и мягко спрыгнул в прохладную тень. – Или у них память короткая?

Собаки хмуро окружили дерево, на которое влез измученный Кряж, разлеглись в тени словно волки, а из зубастых пастей изредка вырывался басовитый клочочущий рык. Они лениво посматривали вверх, не обращая на витязей никакого внимания, только на Витима поглядывали с затаившимся недоверием. Видать удары сапогами даром не прошли. Двое собрались даже бежать к нему, но Обманщик глухо рыкнул и псы, поджав хвосты, вернулись в засаду.

Волк с любопытством заглянул в вышибленное оконце атаманской избушки и аж присвистнул от удивления.

– Это ты что ли полстены вывалил? – обратился он к воеводе.

– А как мне по вашему надо было выбираться? Собаки вон какие, волки а не псы, разорвали бы к Ящеру. Ну... Я в дверь когда влетел, немного не подрастал... Ухнул плечом в стену, та и посыпалась бревнами. Хреново эти уличники строят, хлипкое все... А тут Кряж как раз на шум с лавки вскочил, сонный аки весенний медведь, ну, его как медведя и взяли в оборот. Я ждать не стал, пару-тройку раз ногами по мордам, скок на крышу и был таков, а вот атаману досталось, разорвали задницу как трухлявые портки. Вы лучше скажите, откель у вас эта сука?

– Сука? – выпучив глаза переспросил Ратибор. – Погоди, это что, не кобель?

– Очумел от жары, что ли? – Витим постучал пальцем по лбу. – Кобеля от суки отличить не в силах?

– Так шерсть... Густая.

Друзья разразились дружным хохотом, Кряж чуть со своей ветки не грохнулся.

– Ну и ну... – покачал головой стрелок. – А я его... Кхе... Ее Обманщиком кликал.

– Во ты даешь! – широко улыбнулся Волк. – Если б это был кобель, ты бы и на полсотни шагов к поляне не подкрался, такой бы лай псы подняли! А так возился с псиной, пропитался сучьим запахом, вот тебя кобели и не тронули. Задно и нас драть не стали. Повезло!

– Повезло? – с сомнением пожал плечами Сершхан. – Не верю я в везение... Помните как Барсук баял, что всему на

свете есть своя причина? Только Боги не всегда ее на виду держат, вот мы и не зрим, говорим, мол, удача. Нет... Урони камень в воду, пойдут круги, а бывает связь куда более тонкая. Ладно, вроде всех перебили? Можно и отдохнуть!

— Отдыхать некогда. — нахмурился Ратибор. — Я тут за ночь кое что выведал... Послушайте, а потом решим как быть дальше.

7.

– Стоят огромнейшим станом. Около пяти тысяч копий. Тропа выходит вот тут, а другая ведет на полуночь. – объяснял стрелок, вычерчивая прутиком на пыльной земле.

Друзья собрались в тесный кружок, только Волк лежал пластом со спиною покрытой сметаной, из леса вышли осмелевшие тиверцы, собирали оружие, швыряли в Кряжа палки на меткость. Обманщик присоединилась к своре, кобели больше поглядывали на нее, чем на атамана, но тот не спешил слазить вниз, словно приклеился к ветке.

Все кроме Волка оделись, снова нацепили оружие и теперь тыкали пальцами в пыльный рисунок, то и дело задавая вопросы. Рядом топтался огромный конь цвета ночи, еще четверо фыркали у избы, вычищенные, статные.

– А куда делись те поляки, что были здесь? – поднял глаза Сершхан.

– К середине ночи, не дождавшись посланца, в стан поехали еще двое. Я их встретил недалече отсюда, уже возвращался назад. Потом понял, что и оставшиеся не усидят, решил обождать, ну и дождался. Очень уж не терпелось им что-то своим поведать! Понимаете, я во тьме не смог читать по губам, но они точно про вас говорили, тыкали в сторону ямы, о чем-то спорили с Кряжем.

– Так надо вывести у него, пока не свалился псам на съе-

дение! – загорелся удачной мыслью Витим. – Жить захочет, расскажет что к чему.

Сершхан встал, придерживая рукоять сабли, отряхнул халат и направился к дереву.

– Эй, – задрав голову, позвал он. – Долго так повисишь?

– А тебе что за дело? – хрипло буркнул Кряж. – Али хош со мной поменаться?

– Делать мне нечего, висеть словно яблоко... А вот тебе могу подсказать как слезть.

– А... Про поляков захотелось узнать? – догадался атаман. – Не, я уж лучше повишу, чем опосля свои кишки по кустам собирать. С ними шутки плохи, это я точно скажу, сам попался. Шли бы вы, куда шли... А я как-нить сам по себе.

– Кишки? – понимающе свел брови Сершхан. – Верная мысль! Вот у нас в сарацинских землях...

– Ты что, в сарацинии был? – призадумался Кряж, подозрительно оглядывая узор на халате. – А правда, что там...

– Правда, правда. И кишки выпускают, и на кадушку со змеей голой задницей садят. Тут ведь тоже есть змеи. Да?

Кряж нахмурился и крепче ухватился за ветку. Лицо его выражало такое усилие мысли, что жилы на лбу выступили.

– Э, погоди! – вымолвил он наконец. – Я слажу! Тока сначала собак отгони, а то обдуришь еще.

Ратибор, словно только того и ждал, сбегал в избу, погрел горшками и раскидал у порога остатки вчерашнего пира.

Псы, забыв про висевшее на ветке развлечение, гурьбой ринулись набивать животы. Память у них оказалась и впрямь не очень-то долгая.

Кряж чуть не свалился с ветки, слезая на утомленных руках, шершавая кора посыпалась под скользящими сапогами, с треском рванула рубаху на пузе и вконец испоганила богато вышитый пояс. Атаман ругнулся и грузно спрыгнул в траву, еле удержавшись на искусанных ногах.

– Тяжко? – с напускным сочувствием спросил Сершхан. – Ну ничего, пойдем к друзьям, расскажешь какого лешего тут делают поляки, что с ними такого случилось и чего им от нас захотелось. Нечего зазря срамом сверкать.

– Да я почти ничего не знаю. – буркнул Кряж, с опаской подходя к рассевшимся витязям. – Сам попал как кура в ошип... Где-то с седмицу назад, стояли мы тут разбойничьим станом. Тоись я и Шамыга с молодцами. Ага... Ну, как-то к вечеру слышим, псы лают по лесу. Для разбойников собаки завсегда не к добру, но нас тогда пять десятков было, решили что сдюжим, с луками оно можно, сами знаете. Особливо ежели на деревья взобраться. Да только проку с наших луков оказалось не много, шерсти с курей и того больше будет. И вышла из лесу рать. На вид – рать как рать, и поболе видали. Да... Вот тока умением они нас переплюнули. Сначала пустили псов, те указали все деревья с нашими лучниками, потом сами взялись за луки, но не запросто, как у нас принято, а пред каждым лучником пеший воин с

щитом. Так вот... Могли бы нам всем кишки выпустить, но не стали. Я вам по чести скажу – никогда еще не видал, чтоб так кто-то воил. Да и не слышал... Вам бы самим поглядеть, все бы поняли. Эти твари не делали ни одного лишнего движения, не проронили ни одного лишнего слова, будто не из плоти они, а целиком из железа. Даже от ран не вскрикивали. Вы когда-нибудь про поляков такое слышали? Да они бы тут такое устроили, что от крепких словес трава полегла бы. А эти другие... Даже страшно смотреть. Знаете что я подумал, когда их увидал? Я понял, что с таким воинством бесполезно сражаться. Не трудно, а именно бесполезно, все равно как остановить копьем валящиеся с гор камни.

Он на миг погрузился в невеселые воспоминания, Сершхан даже легонько пихнул его, чтоб очнулся.

– Ну да... – встрепнулся тот. – Только они с нами биться не стали, спросили старшего, а как я назвался, попросили помощи. Богами клянусь, как есть попросили!

– И чего хотели? – насторожился Витим.

– Сказали, что надо поляну расширить, поставить десяток изб, два амбара, конюшню и все это обнести частоколом, еще и ловчие ямы отрыть. Так вот. С нас работники, понятное дело, хреновые, но ихний предводитель не дурак, казал наловить робичей, ими и строить. А тут аккурат на следующий день Шамыга примчался из лесу в мыле, что твоя лошадь. Ага... Грит, рать идет, полсотни, не меньше. Тогда поляки решили нам подсобить. Их к тому времени не меньше пяти

сотен набрело, вместе мы пришлых полонили почти без потерь, я с десяток потерял и поляки двоих. Да... То как раз вот эти тиверцы и были. Стали робичами... А поляки оставили пятерых с нами, приглядывать, остальные ушли на заход. Куда? Богами клянусь, не ведаю! Потом мы двух девок поймали, наших уличских, а после еще одну, ту что с дитятей. Те две сдуру по ягоды забрели, а вот та что с дитятей, как есть беглая. Не вру!

– А чего поляки от нас хотели?

– Что я, волхв, в людские души зрить? Не знаю! Вы как пришли, я сразу подумал – не к добру. Чую я такие вещи. Чем не знаю, но чую точно. Ага... Поляки вечером все допытывались, откель вы, да кто такие. Их старший казал что похожи на приметных воев, за которых каким-то ромеем награда назначена. Так и сказал... Награда, грит. Один потом не удержался поехал к своим прям среди ночи, а за ним еще двое...

– Это мы знаем! – прервал его Ратибор. – А где девки-то?

– Девки? А я что? Я их в подвале держу, под своей избой, тоись. Удобно, коль пожрать принести, али чего еще. Да...

– Пшел вон! – сквозь зубы шикнул на него Сершхан.

Кряж изменился в лице, попятился, споткнулся, шагов пять проскакал на четвереньках и еле поднявшись рванул в лес, только задница блеснула через драные портки. Собаки вяло взглянули ему вслед и снова принялись за то, что осталось от мяса.

Медленно подступал вечер. Солнце еще не коснулось деревьев, но духота и душный зной спали, защебетали птицы, утомленные долгой жарой, поднялась, повлажнела трава, а тени стали густыми и длинными. Выбравшиеся из подвала девки радостно готовили ужин из разбойничьих припасов, а бабу с дитятей отпустили, надавав в дорогу харчей.

Витим задумчиво морщил лоб, пощипывал заметно подросшую бородку, а Ратибор все выпрашивал собиравшихся в дорогу тиверцев. Сершхан из кадучки плескал воду на Волка, силился отмыть спину от доброй сметаны, но певец тереть себя не давал, только ругался неблагозвучно. Собаки уныло высунули языки под медленно розовеющие лучи солнца, словно надеялись, что их тоже помажут доброй едой.

Стрелок подошел хмурый, глаза взволнованно метались из стороны в сторону, во рту колыхалась изжеванная травинка.

— Да, други... — вымолвил он усаживаясь возле Витима. — Недобрые вести. Тиверцы и впрямь шли в Киев, на подмогу Владимиру. И как вы мыслите, кто осадил стольный город?

— Догадываюсь... — буркнул воевода.

— Поляки... — вытирая руки о халат, поднял глаза Сершхан.

Волк наконец отмылся и бережно надел на облезлую спину свежую рубаху, видать добыл одну из оставленных польских, разбойники таких не носили.

– Что-то тут не ладно... – задумчиво качнул головой он. – Они ведь досель так далеко не совались. Точнее их не пускали. А тут не просто сунулись, скорее поперли. Худо дело! Надо бы подсобить киевлянам.

– Шутишь? – исподлобья глянул Витим. – Только одним подсобили, еле расчухались, теперь снова уходить от главного дела?

– И какое же дело главней Руси? – недобро усмехнулся Волк.

– Причем тут Русь? Мелко ты мыслишь, скажу я тебе. Русь... На одном Владимире, да и на Киеве, Русь не продержится. Русь, это как раз иное... Села, веси дальние. В Киеве сейчас одни бояре, да разжиревшие воеводы. Богатыри кроме пьяных драк никаких битв не видят, среди них настоящих воев по пальцам счесть можно, а герои все на заставах. Киев – только богатый кусок для ворога, вот и все. Смести его с лика земного – ничего не изменится. Будет другой стольный град, а коль нет, так и без него пережили бы. Как и без князя. Сами что ли маленькие? Кормить дармоедов... От такого врага, как поляки, больше пользы, чем вреда, они лишь пропалывают наш худой огород, высекают то, что само себя защитить не может. А как говорит Покон? Что не может себя защитить, должно умереть! Это единый устав для всего мира. Но есть враг настоящий, такой, от которого пользы нет и быть не может. Это слепая сила, несущая уничтожение всему, что отличается от нее, это само Зло. Неужто позабыли?

Память у вас как у этих псов! Короткая... Меч Громовника несет в себе семя этого Зла, он порождает его даже тем, что просто есть на этом свете. Нет главнее дела, чем отыскать его и уничтожить к Ящеру, чтоб не осталось ни малейшего следа. А вы как дитяти, твердите одно – подсобить тем, подсобить этим... Неужто не понятно, что мы назначены для чего-то много большего, чем бестолковые драки на гостинцах, дорогах и лесных тропах?

– А тебе не кажется, – мягко возразил Сершхан. – Что замахнулся дальше, чем докинуть можешь? Я так понял, что ты решил начисто искоренить Зло во всех его проявлениях. Верно? Не усмехайся! Я даже верю, что это по силам. Но... Мимо скольких бед ты пройдешь, прежде чем исполнишь то, что задумал? А? Сколько крови прольется от того, что ты просто пройдешь мимо? Я знаю твою манеру двигаться к цели. Главное свершить то, что задумал, а какую цену заплатишь при этом сам и какую заставишь уплатить других, не так важно.

– Я что-то не понял... – сжал кулаки воевода. – Не все ли мы жертвуем чем-то? Или на словах жертвовать одно, а как до дела, так решили выбрать дорожку попроще? Можно три дня размазывать сопли от того, что Зло победить трудно, оправдываться тем, что не возможно. А по мне надо действовать. Идти до конца. Что же до пролитой крови... Неужто решили чистенькими остаться? Чистые ручки, чистая совесть. А я не боюсь замараться в бою с мерзостью, буду давить пока

сил достанет. На то у нас и мечи такие, чтоб после погибели могли передать другим неугасимый огонь наших душ и желание бороться до конца. Все дело в мечях, в них ответ о нашем предназначении. Вспомните, что начертано на дощечках, которые Волк отыскал в развалинах Крепости на Перевале. Они ведь писались для нас, неужто не ясно? Для того, чтоб мы не тыкались словно слепые щенки, не тратили силы на всякую мелочь. Мне вспомнить соромно, как до встречи с Микулкой мы татей по лесам вокруг Киева вылавливали... А тут нам начертали слова о бесконечном Пути и подложили прямо под нос. Все ясно! Не в нас дело, а в том, что в борьбе с гадью не будет сделано ни единого шага назад. Путь действительно бесконечен, но бесконечен лишь потому, что наши победы прибавятся к тем, которые были свершены владельцами мечей до нас, а к нашим прибавятся победы преемников. Для Пути поражения нет! Поражение это смерть, но наши души остаются в булате, помогут другим избежать злого лиха. И так без конца. Точнее до полной победы.

– Все ли так просто? – Ратибор выплюнул травинку, лег на спину и налившееся багрянцем небо странно окрасило серые глаза. – Рассудить вас не просто... А может и вовсе невозможно. Каждый со своего боку прав.

– Да ну, к Ящеру... – махнул рукой Витим. – С какого боку не смотри, а более трудный путь всегда был почетней легкого. Волк предложил уйти от настоящего дела, разменяться на придорожные драки. Всем не поможет, как бы ни силил-

ся, только попусту истратит умения. А тут представился случай если не победить само Зло, то хоть ущипнуть покрепче. Вы же в кусты! Сколько было разговоров, сколько похвалы-бы... Песня его тоже... «Весь мир мы закроем собой...» Но только дошло до дела – прикрываемся красными словесами и умными мыслями, вместо того, чтоб творить то, о чем сами же баяли.

– Трудный путь... – спокойно произнес стрелок, словно говорил сам с собой. – Как же легко разграничить-то... Это простой и неправый, а это тяжкий и верный. Да. Я вот только не уверен, что путь предложенный Волком, проще твоего, Витим. Может он не так громок, не приносит в случае успеха такой громкой славы но... Знаешь, я тебе по чести скажу, как есть на духу. Жертвовать, оно надо конечно, без этого просто никак. Но на своем пути ты жертвуешь не только и не столько собой, сколько другими. Раньше нам не до разговоров было, больше слушали звон булата, чем друг друга, но теперь я скажу что думаю. Ты впрямую никогда такого не рек, но в каждом движении твоих рук, в каждом шаге и взгляде читались слова: «Я вас не принуждаю, хотите будьте со мной, не хотите, катитесь к Ящеру. И без вас справлюсь, если понадобится». И мы были с тобой. Не потому, что всегда уверены в твоей правоте, а потому, что вместе мы гораздо сильнее. Старались не замечать твоей резкости, которой ты гордишься, как христиане смирением, старались не корить за редкие промахи... У кого не бывает? Но меня все-

гда больно ранила та легкость, с которой ты отказываешься от друзей, помощников, соратников, как только они не хотят делать по твоему. Сегодня друг, а завтра враг чуть ли не злейший. А от чего? От того, что не сделал по твоему. С тобой могут быть только те, кто всегда согласен не только с делами твоими, но и с мыслями. Думаешь мне не хотелось служить при Владимире?

– Ну и катился бы...

– Вот! И я о том. Либо по твоему, либо никак. С Владимиром отчего не сладили? Ты старшим воеводой зрил Вольгу, а он Претича поставил. Так ведь? Но не ты князь! Не тебе и решать.

– Не мне? Воевода правит дружиной, а кто собирал дружину после Ярополковой чистки? Кто уговаривал воев вернуться? Кто Извека сыскал для обучения ратному делу? Я не меньше хозяин дружины, чем сам Владимир! Неужто не в равной мере должны мы решать? А он Претича, лизоблюда, поставил... Ни с кем не держал совета, кроме своих бояр.

– Конечно... И так во всем! Где-то супротив твоего мнения поперли, где-то вообще не спросили, где-то не известили... И разом все враги. Ежели ты таким манером станешь и дале врагов из друзей делать, то скоро останешься вовсе один. А Волк если жертвует, то только собой, никак не другими. Вообще, вы расходитесь в главном. Ты уверен, что Зло можно одолеть уничтожив его, а Волк считает, что лишь умножая Добро можно расправиться со Злом в этом мире.

Я раньше думал как ты... Сам знаешь, сколько передавили всяческой мерзости. Но стало ли больше Добра? Стало ли меньше Зла? Не знаю... Мне уже кажется, что нельзя сражаться со Злом его же оружием.

– Перегрелся, что ли? – скривился Витим. – Говоришь как ромей, слушать противно. Сейчас окажется, что с врагом целоваться нужно... Ты вообще думаешь, о чем говоришь?

– Думаю. И не надо мои слова кривить. Я ли целовался с врагами? Но теперь я уверен, что биться надо не супротив чего-то, а ЗА что-то. За честь, за любовь, за свободу, за справедливость, наконец!

– Ладно, все это красивые словеса, да и только. Я же привык делать, а не лежать рассуждая. Что решили-то?

– Я иду ко Владимиру! – твердо ответил Волк, отбрасывая назад длинные волосы.

– Я тоже! – совершенно спокойно кивнул Сершхан. – Не хватало еще баб да детишек без защиты оставить, а самим шататься невесть где. Каждому есть место и свое я определяю сам.

– И я пойду с ними. – прикрыл глаза Ратибор. – С ними, Витим.

– Вот оно, значит как? Ну да ладно... Не в первый раз так выходит, но не умер еще. Жаль только, что живешь с людьми по чести, по совести, можно сказать душа в душу, а они тебе потом в эту самую душу, да смачным плевком. Ничего, мы

к этому спору еще вернемся. И посмотрим, кто был прав, а кто крив. Я иду искать меч, а вас пусть Боги рассудят.

– Послушай... – неожиданно спросил стрелок. – А как ты все же узнал, где пристал корабль Кирилла?

– Почуял... – отмахнулся Витим.

– А все же?

– Я понял, что Зло после поражения медлить не станет, а потому направит меч самым коротким путем. Я выпросил у нашего кормчего такой путь и не ошибся. Не ошибусь и дальше.

Он взглянул в сторону леса, словно высматривая далекую цель.

– погоди, Витим! – Волк говорил запинаясь, словно каждое слово давалось с огромным трудом. – Пойдем вместе! Киеву нужна помощь... А потом и меч сыщем, никуда он не денется, коль за сотни лет не пропал. Все равно он один, а Камень в таком месте, что случайно не сыщешь. Да и сыскав достать не так просто.

– Вот как? – Витим усмехнулся и встал, отряхивая портки. – Киев, да? Оно верно, конечно – ко Владимиру на харчи. Еще и в дружину наймись. С каких это пор волк стал шакалом?

Волк разом побледнел, только темные глаза блестели сколотым углем, костяшки кулаков даже хрустнули от напряжения. Но Ратибор так взглянул на певца, что тот сразу сник и повернулся к Витиму спиной.

Воевода поправил меч, закинул за спину мешок с харчами и широким шагом направился в лес. Друзья наблюдали за ним молча, пока широкие плечи не слились с ветвями в мареве неистового заката.

Тяжело, душно, на землю опускалась ночь, запад закуривался густыми кучами облаков, проглотив солнце раньше обычного. Тиверцы развели костры, совещались о том как поступить дальше, готовились к тризне. Горячие головы рвались в Киев, но большинство разумно решило вернуться, проводить раненных и собрать добрую дружину.

– Без Витима нам будет худо, – тяжело вздохнул Ратибор. – Ну что ж... Коль человек решение принял, так и Боги ему не помеха... Но нас стало слишком мало, каждому теперь придется приложить много больше усилий, чем раньше. Ничего не попишешь, у каждого своя дорожка в этом мире.

– Мы и раньше сил не жалели, – качнул головой Сершхан. – Куда уж больше!

– Ничего! Силы сыщутся, была бы цель... Если бы я был точно уверен в том, что Витим не прав... Было бы легче. Но у меня такой уверенности нет, просто я поступил так, как велело мне сердце. А рассудить нас сможет только время. Что ж, нас тут ничто боле не держит, может прямо сейчас и пойдем на полуночь? Заодно тиверцев не будем смущать, а то пока мы тут, им тяжело решиться на что-то свое.

– Верно... – хмуро кивнул Волк. – Неохота в этом месте торчать. Уж больно тяжкие думы оно навевает.

– Вот и ладно, спать все равно некогда. Перекусим, снарядим конячек и в путь. Закладных брать не будем, оставим двоих тиверцам, все же помощь – поклажу тащить, да и тяжело язвленным пехом телепать.

– Погодите! Что за спешка? – возразил Сершхан. – Неужто позволите худым мыслям себя одолеть? От того, что с Витимом разошлись, теперь сломя голову срываться посреди ночи? Стоит ли? Не много ли чести? Мне, к примеру, соромно уйти, не справив тризны по павшим героям. Это воеводушка наш решил, что они трусы, коль себя полонить позволили, я же другого мнения... Да и к чему обижать тиверцев? Не дать поблагодарить – оставить в долгу. А мне этого делать не хочется.

– Знаешь, Ратибор... – задумался Волк. – Наверно он прав. Витима уже нет, а мы до сих пор делаем то, чего делать не след, чего по своей воле делать не стали бы. Словно воевода и ныне командует нами. Давай заночуем! Вон сколько харчей осталось от разбойничьей шайки! Славная выйдет тризна! И воям почет.

– Харчей? – стрелок медленно оглядел сваленную у костров снедь. – Да, стоит остаться. Почесть героям отдать.

8.

Тучи лохматились, будто мокрые серые щупальца нависали над бесконечным миром грозной громадой. Блеклое зеркало солнца укрылось в сырой пелене, мрачно взирая сквозь плотный полог на троих устало качавшихся в седлах путников: головы склонились после бессонной ночи, кони бредут вялым шагом. Низкий западный ветерок сдул душный зной, залил землю сырой прохладой, полынь повлажнела, заиграв бисером капель, тяжкие копыта выбивали из нее горький бодрящий запах. Лес кончился почти сразу, за разбойничьей весью снова потянулась ровная как стол приднепровская степь, но к вечеру покажутся, путники знали, первые деревья дремучих лесов.

– Эй, хватит спать на ходу! – позвал друзей Ратибор. – Эдак мы и до старости к Киеву не прибудем. Кони отдохнули, можно и на рысь перейти!

– Может до какого жилья успеем добраться, – безнадежно глянул на клубящиеся тучи Волк. – Ливень собирается не из слабых, небеса водой пропитались как рубаха потом в полденный зной. Тяжко в чистом поле придется...

Витязи подогнали коней и те охотно забухали копытами в насквозь пересохшую землю, меняя унылый шаг на скорую рысь. Ветер ударил в лицо влажной моросью, остатки сна разлетелись от его свежего, пропахшего пряными трава-

ми духа.

– Глядите, – привстал в стременах Сершхан. – Виднокрай как приблизился! На пяток верст видать, никак не далее. Словно белый свет от страха в клубочек съежился...

Запад замелькал сиреневым сполохом, грохотнуло далеко и могуче, словно великан молотом колол небесные горы.

– Ого! – Ратибор невольно вжал голову в плечи. – Что ж так Перуна разозлило? Али борется с кем?

– Нам-то по любому лучше держаться поодаль, – буркнул Волк. – Когда Боги воить решили, смертным лучше не вмешиваться.

– Оно верно, конечно, но со своего пути мы свернем едва ли. В этом и Боги нам не указ.

Коням передалась людская тревога, они без всяких понуканий прибавили ходу, перейдя почти в галоп. Пыль позади уже не клубилась, влажный воздух катал ее в дрожащие серые капли. Быстро темнело, хотя недавно минул полдень, тучи по кромке виднокрая все больше наливались неестественной густотой, далекие молнии секли по ним, как сабля по черному бархату.

– Ничего страшного! – попытался утешить друзей Сершхан. – Для полуденных земель это обычное дело. Целый год сушь без предела, а раз в несколько лет как вдарит такое вот... Бывает и города смывает с лика земного!

– Умеешь ты успокоить! – еще больше нахмурился Ратибор Теплый Ветер. – Только я сам с полудня, а такого буй-

ства что-то не видывал...

– Ну... Ты все же с гор, а тут чистое поле. Должна быть и разница.

– Не пойму, – склонился на бок стрелок, пытаясь разглядеть что-то за конской шеей. – это зарница мерцает, или свет в оконце?

– Где? – наострил уши Волк.

– Да вон там, прям на полуночь. Видали?

– На зарницу не очень похоже, – пригляделся Сершхан. – Свет больно теплый. Скорее костер или отсвет масляной лампы. Правим туда! Коль Боги позволят, будет нам крыша над головою.

Ветер быстро крепчал, с запада, отголосками далекого ливня, неслась липкая морось. Зарницы мелькали все чаще, сливаясь в единое дрожащее марево, а гром навалился могучей лавиной, не смотря на даль крепко закладывая уши.

Огонь вдали мерцал все явственнее и вскоре показался зажатый меж покатым холмов городок, скорее даже большущая весь. Не смотря на отсутствие близкого леса, он был обнесен невысокой деревянной стеной, повсюду виднелись крыши больших теремов и добротных изб, видать бревна сплавлялись по реке с верховий.

– Это Олешье! – уверенно заявил Ратибор. – Вот мы и у цели.

– Вовремя... – облегченно вздохнул Волк.

Наступавшая непогода согнала люд с улиц, даже воев на

воротах видно не было, но в домах теплился огонь, дым поднимался к низким тучам и можно было представить, как тут бурлит жизнь в приветливые деньки.

У самой стены друзей окликнул грубоватый, привыкший командовать голос:

– Эй, кто такие? Претесь как жене в постель, спросу не просите...

– У кого просить-то? – усмехнулся Ратибор. – Ты бы хоть нос высунул! Мы Владимировы дружинники, путь держим в Киев, на подмогу своему князю, у него, кажут, беда приключилась. Надо бы подсобить. А ты сам что-нить слышал, что дается?

Стражник высунул чубатую голову из рубленного в стене оконца:

– Как не слышать! Чай враг мимо нас по Днепру подымался, насилу сбереглись от него, схоронились. Такую рать не каждого дня увидеть можно, но кроме числа у них сбоя отменная, доспех выше всяких похвал, да и сами как на подбор. Тяжко вам придется, коль таких воевать удумали.

– Да ты за нас не беспокойся! Скажи лучше, можно проехать, али нет? Что вы за народ, коль путников на студенном ветру стоять заставляете?

– А кто вам мешает? Сами языками цепляетесь, а на меня потом все шишки валятся. Эдак всегда...

– Ладно те бурчать-то! Корчма у вас где?

– А вам какая потребна?

– Ближайшая! – уже без терпения выкрикнул стрелок. – С крышей и стенами.

– Да у нас все с крышами и стены у всех. Двери, правда, не всегда успевают вставлять, но это как повезет. Бывает и войдешь вроде в дверь, а к вечеру бац...

Он еще бубнил бы долго, истосковавшись по свежим ушам, но друзья не собирались встречать ливень под небом.

– Эй, добрый человек! – перебил стражника Серсхан. – Где все же у вас корчма?

– Так вам с дверями али без?

– Все едино! Лишь бы поближе.

– Тогда езжайте через ворота, потом шагов двадцать прямо, а там свернете вправо и доедете до резного терема в два поверха, от него...

– Слыш... – совсем разозлился Волк. – Ты не умничай, пальцем покажи!

Стражник пожал плечами и неопределенно ткнул за спину волосатым пальцем. Яснее от этого не стало, но и стоять тут до вечера смысла не было, витязи переглянулись и пустили коней в город спокойным шагом.

Обычая мостить улицы тут не знали, пыль скаталась от сырого ветра мелкими шариками, липла к подковам масляной жижей. Пустынная дорожка привела друзей к кривому как речь брехуна переулку, в конце которого и впрямь высился рубленный терем.

Куда направится дальше никто не ведал, а спросить было

не у кого, поэтому друзья сообща решили проехать влево, но через несколько одинаковых, как горох, домов поняли, что ошиблись. Пришлось возвращаться и ехать вправо, но и там корчмы не сыскали. Вконец разозлившись и опасливо поглядывая на дрожащее от водного бремени небо, они обогнули высокий терем и почти тут же улочка уперлась в приличную корчму: два поверха, коновязь, конюшня, сзади огромный амбар пристроен, даже три отхожих места во дворе. Дверь тоже была на месте, даже за кем-то захлопнулась чуть ли не перед самым носом.

– Гоже! – оглядевшись кивнул Сершхан. – Если и цены не выше небес, то переждать непогоду – самое место.

Он первым соскочил с коня и отвел его к конюшне, не дожидаясь обычного в таких местах отрока. Судя по быстроте соображения стражника у ворот, прислугу тут можно было прождать и седмицу. А то и две, коль не свистнуть. Друзья не стали мешкать, отправились следом.

Отрок, как ожидалось, спал развалившись на ворохе сена, только на скрип калитки проснулся, нехотя слез и развел коной в стойла.

– Русь везде одинакова... – усмехнулся Ратибор, отдавая мальчонке копейку. – Что вдоль по ней иди, что поперек. Ладно, не забудь корму коням задать, а то и ухи выверну, как на всей Руси повелось.

Зато в самой корчме к ним отнеслись с куда большим уважением. Правда и это неожиданным не было, деньги на Руси

тоже цену имели, а грозные мечи и юркая сабля уважение к этой цене только утраивали.

– Эй, корчмарь! – окликнул хозяина Волк. – Принеси чего-нить горячего, а то с этой мороси кишки остыли. . . Да, щи в самый раз! И сметаны. А там поглядим. Вообще нет, кувшин ола тащи сразу.

– И мяса. – уже отвлекаясь от Божьего мира добавил стрелок. – Не жалеи! Поросенок для разгону пойдет.

Он воткнул в щель стола целую гривну и принялся ждать, отрешенно глядя в пропахшую духом еды стену. Хозяин аж затрясся, не сводя глаз с приличного куска серебра, тускло блестевшего в столешнице, развернулся и стрелой юркнул в кухню, на бегу погоняя челядь.

Висевшие на стенах масляные плошки больше освещали закопченные бревна, чем с полтора десятка посетителей, устроившихся на тяжелых, надежных, как верный клинок, дубовых лавках. Столы, кроме аромата просаленного дерева, источали не меньшую надежность, сбиты не из досочек, а из распиленных пополам бревен. О такой хоть кулаком шарахни, хоть башкой, ничего не изменится, даже булаву выдержит, коль потребно, а судя по глубоким рубцам, может и приходилось выдерживать.

Ратибор нетерпеливо ерзал, глядя на суетившуюся возле стола челядь, наконец тарелки и миски расставили, стрелок глубоко вздохнул, словно собираясь с силами, и принялся РАЗГОНЯТЬСЯ. Для разгона понадобился не только поро-

сенок, хотя он терпеливо дождался своей очереди после шей со сметаной.

– Что-то ты больно мал, нежно-розовый... – невнятно бормотал Ратибор, обсасывая последний огрызок уха. – Корчмарь, принеси-ка еще мясца. Птица? Птица тоже пойдет, если крупная.

Размер птицы видимо был не так важен, поскольку следом за крупной прекрасно пошла и мелкая. Корчмарь взи-рал на обжору с благоговейным страхом, друзья с привыч-ными усмешками – навидались и не такого, когда он садился за стол после двухдневной голодовки. Сами они ели в меру, а вот от пива не отказывались, густой темный ол то и дело наполнял кружки, расплескиваясь белоснежной пеной.

Ратибор взялся за перепелок, жадно впиваясь в пропечен-ную плоть, покрытую подрумяненной корочкой, жир так и капал, но не пропадал, впитываясь в хлебный мякишь, от которого замасленные пальцы потихоньку отрывали кусок за куском.

– Невозможно смотреть как он ест... – покачал головой Волк. – Эй, корчмарь! Дай и мне этих жирненьких!

– Ты ж говорил что наелся? – удивился Сершхан.

– Ничего, с пивом пролезет!

– Да? – Сершхан задумчиво глянул на стрелка. – Корч-марь! Перепелки еще остались? Ну так неси! Стоит, смот-рит...

На улице грохотнуло, да так, что дверь скрипнула, через

отдушины потянуло отчетливым запахом размокшей земли. Корчмарь побледнел, отвернулся и скрылся на кухне в клубах дыма и пара.

Угрюмый мужик за соседним столом поднял мутный взгляд к потолочным балкам.

– Чтоб его! – пьяно гаркнул он, ухнув по столу деревянной кружкой.

Соседи зашикали, чуть ли рот мужику не заткнули, тот утерся серой холстиной рукава, ненавидящий взгляд зыркнул из под бровей, но нос снова уткнулся в пену огромной кружки, мол ладно, пусть будет по вашему!

На лицах посетителей читался какой-то виноватый испуг, каждый стеснялся своего страха, но побороть не мог, а потому прятал глаза и говорил нарочито громко.

– Серьезное тут, видать, дело... – неожиданно изрек Ратибор, прикрыв рот обглоданной птичьей тушкой.

Друзья чуть пиво не пролили – не часто стрелок во время еды занимал уста разговорами.

– Да, боятся чего-то, – буркнул Сершхан в кружку ола. – Но при чужаках обсуждать не желают. Интересно, почему? Какой-то соромный у них страх, непонятный. Видят, что зашли витязи, могли бы подмогу спросить! Но нет... Хотя гордостью тут и не пахнет.

– Скорее их страх с нехорошей тайной увязан... – предположил Волк. – И с этим дождем. Чуете? От Перунова грома никто так не вздрагивает! Еще они могут думать, что мы

им не помощники, а коль так, то испуг не на пустом месте.

– Поляки? – предположил Сершхан.

– А дождь тогда тут при чем? – несогласно фыркнул Ратибор. – Хотя стоит ли голову ломать? Не хотят просить, значит им так вернее. Переждем ливень и пойдем отсель, попробуем лодью нанять. Только одно потребно учесть – страх чашенько толкает людей на то, что с нормальной головой они в жизни не сделают. Потому расслабляться не след! И не надейтесь как свиньи, а то двигаться будет тяжело.

Не обращая внимания на усмешки друзей он принялся доедать перепелок, изредка прикладываясь к кружке – ему, видать, еда ничем не мешала.

Кувшин опустел и корчмарь спешно притащил полный, вдвое больше первого, но вместо того, чтоб вернуться на кухню, подсел к самой большой компании, искоса поглядывая на витязей. Волк едва заметно расширил ноздри и первым потянулся к кувшину, кружка наполнилась до половины, играя пеной, но пить витязь не стал, едва пригубил.

– Сонное зелье! – тихо вымолвил он, не отнимая от лица кружку.

Сершхан улыбнулся и как ни в чем ни бывало тоже налил из кувшина, ни одна черточка на лице не изменилась под пристальными взглядами посетителей. У Ратибора еще оставалось, он не спеша допил и так же спокойно, медленно долил свежего, расслышав под одним из столов отчетливый скрип самострельного ворота.

– Зелье крепкое, – уточнил Волк. – Но без слюны гада. Так, белена, дурман, пыльца кувшинки... Вреда не будет, но свалит сразу.

– В кухне еще два стрелка. – подняв кружку как для здравницы, шепнул Ратибор. – В эдакой тесноте супротив самострелов не переборешься, это вам не лук, где от стрелы увернуться можно, с такого расстояния и кольчугу навывлет прошьет... Попробовать конечно можно, но опасность чересчур велика – даже если одного ранят, уже беда. Надо пить, чай сонное зелье, а не отрава... Заодно поглядим чего эти добрые люди удумали.

Они осушили кружки под пятикратный щелчок вхолостую спущенных самострельных тетив, а Сершхан даже успел закусить перепелиным крылышком, прежде чем безвольно опустить голову на крепкий дубовый стол.

Потоки дождя срывались с небесной тверди бешеным ревом, вода колотила в землю тугими каплями, расплескивая раскисшую худым тестом землю, широкие рыжие струи целыми пудами смывали прибрежную глину в свинцовые воды бушующего Днепра. Фиолетовые молнии беспрестанно секли темное небо, липли к нему ослепительной паутиной, гром трещал, ухал, накатывал огромными валунами, плакучие ивы испуганно вздрагивали, пряча ветви в обезумевшей реке.

В пологий левый берег, почти у кромки бурлящих волн,

вонзились семь толстенных, грубо отесанных столбов, обмотанных ржавыми цепями толщиной с приличную руку. Свежее дерево не тронулось сетью трещин, но глубокие борозды говорили об отчаянных потугах когда-то прикованных пленников сделать хоть что-то. Четыре столба одиноко цепляли верхушками клубившийся туман, но между ними, на трех других, безвольно натянули цепи спящие витязи. С них стянули все что можно, оставив в одном исподнем, даже поясов не оставили, а потому смотрелись они посреди бушевавшей стихии жалко и безнадежно, как последние жухлые листья на засыпающих под ветром осенних деревьях. Но даже вражьи руки не тронули оберегов – с шеи Ратибора по прежнему свисал на черном шнуре серебряный нетопырь с зажатými в лапах стрелами, под рубашкой Сершхана поблескивала золотом звездочка с восемью тонкими как спицы лучами: четыре длинных и четыре совсем коротеньких, а у Волка, кроме подаренной моряной раковины, висела фигурка спокойно лежащего волка, вырезанная из огромного звериного клыка.

Олешье осталось выше по течению, только метавшиеся молнии иногда высвечивали на фоне неба черную стену и выпирающие над ней крыши. Но и те были едва видны, скрытые трепещущими струями ливневого потока. Сершхан приоткрыл глаза, опасливо глянув в сторону города. Ни души... Лишь быстро раскисающие следы уходили вдоль берега, в них словно впечаталась ругань оскальзывающихся, грязных

и насквозь промокших мужиков, деловито приколавших к столбам незнакомых витязей.

Дождь не был теплым и Сершхан успел порядком продрогнуть, пока струящаяся по лицам вода приводила друзей в чувства. Первым очнулся Ратибор, скривившись так, что молоко скисло бы, руки дернулись, но лязгнувшая цепь легко осадил буйную силушку. Стрелок раскрыл глаза и витиевато выругался.

– Приковали, заразы! Чтоб по ним Ящер на том свету так прошелся...

Он завернул еще пару крепких речевых прихватов, относящихся как к самому Ящеру, так и к тем, кто в скором времени должен пожаловать в его чертоги. От такой ругани очнулся и Волк, помотал головой, скидывая с лица намокшие пряди.

– Кажись приехали... – мрачно вымолвил он. – У кого-нить есть придумки как отсель выбраться? И вообще на кого лешего нас сюда приперли, да еще цепями примотали, на коих впору подъемный мост подвешивать?

– Это они нас так о помощи попросили, – серьезно ответил Сершхан. – По другому, видать, не умеют. Но помощь им точно потребна, я вам сейчас кое что расскажу...

– А ты откель знаешь? – вытянул шею Ратибор. – Али не спал?

Он был прикован с самого правого края, поэтому между ним и Сершханом оказался Волк и два пустых столба – при-

ходило, прислушиваться.

– У меня еще с людоедской веси осталось зелье супротив всякой отравы. Пока вся корчма паялилась на то, как ты льешь ол из кувшина, я исхитрился высыпать кубышку на перепелкино крылышко. Им и закусил. Помогло... Так что я прекрасно слышал все, о чем говорили эти эээ... добрые люди.

– Судя по столбам, цепям и особому месту, – огляделся Волк. – Нас приготовили в жертву. Вот только волхвов не видать... А если еще и дождь сюда приплести, то жертва, видать, Стрибогу. Замучил олешыцев ливень, а тут путники под руку подвернулись, не свои, не жалко... Отчего Бога не ублажить? Так?

– Не совсем, – звякнул цепью Сершхан. – Точнее совсем не так. Ливень этот не так часто бывает – раз в год, да и горожанам от него ни холодно, ни жарко, привыкли. Их мучает то, что с этим ливнем приходит...

Тут уж дошло и до стрелка, и до Волка... Оба в миг побледнели, а Ратибор отчаянно рванул цепь.

– Ууууу!!! Заразы... – яростно взвыл он. – Еще и солнца не видать, как на зло! Сершхан, ты узнал каков ОН, полденный или полночный?

– Поденный! Они как раз жаловались, что мы поздно приехали.

– Хвала Светлым Богам! Есть еще время! Надо что-то придумать.

– А что тут думать? – качнул головой Сершхан. – Сматы-ваться надо! Вот только как? Погодите! Волк, ты ведь смог обернуться зверем, чтоб Диву из рук Громовника вызволить! Сможешь сейчас? Сбегал бы за подмогой вниз по реке... Нам ведь не драться надо, а только цепи сломить, любой кузнец за хорошую плату возьмется.

– В том-то и дело, что цепи! – опустил голову Волк. – Железные... А хладное железо перекидываться не дает. Вот если бы были веревки...

– Может раньше и были... – пожал плечами Ратибор. – До первого оборотня. Вот, зараза, хоть плачь! Кого же покли-кать на помощь?

– Кого – искали бы, – вздохнул Сершхан. – Знать бы как... Надежды на то, что Днепр от дождя вздуется и выво-ротит столбы, маловато, ждать пока перержавеют цепи, то-же навряд ли дождемся... Стойте!!! Я как про воду подумал, мне словно башку изнутри осветило! Ведь Морянка отдала Волку раковину не для одной красы! Рекла, что этим обере-гом можно ее ПОКЛИКАТЬ, коль дунуть в него у любой во-ды!

– Вот уж чего, чего, – сплюнул в грязь Ратибор. – А воды тут хоть залейся... Дуй давай, а то воссиял аки ясное солнце!

Певец склонил голову и почти тут же в пожелтевшей во-де мелькнуло прекрасное девичье тело, только хвост вместо ног, вроде рыбьего. Морянка стремительно скользнула в бур-лящих волнах, сверкнув бриллиантовой чешуей и вынырну-

ла по пояс у самого берега, ухватившись за торчащую из песка корягу, река текла, играя густыми черными волосами.

– Гой еси, добры молодцы... – почти пропела девушка. – Ладная нынче погода, а вот вода грязная. Как тут берегини живут?

Она изящно перевернулась на спину, словно невзначай показав ладную грудь, струи дождя омывали лицо, смешиваясь с мягкими локонами.

– Отчего покликал, витязь? – обратилась Певунья к Волку, не спускавшему с нее восхищенных глаз. – Хочешь спеть мне земные песни? Луны не видать... Что за песни без полной луны?

Витязь едва опомнился, даже головой встряхнул для верности, но все же вымолвил отчетливо и громко, перекрикивая шум стихии:

– Не петь я тебя позвал, а на помощь!

– Неужто такому славному витязю помощь потребна?

– Так вышло... Понимаешь, мы тут не по собственной воле, цепи держат, а сорвать их сами не можем, для этого нужно железо, у нас же только голые руки. Помоги! Проплыви вниз по реке, покличь любого мужика с топором или молотом, а потом можно будет и спеть!

– погоди! – спешно выкрикнул Ратибор. – Ты что же девку на верну погибель шлешь? Любой кто ее увидит, перво-наперво ухватит лук или копье, а то и вовсе багром перетянет с испугу. Это для тебя она краса, а для селянина? Для того что

не человек и не лохматый зверь – все нежить. Кто ее слушать станет?

– И что же делать? – в отчаянии воскликнул Волк.

Сершхан все это время задумчиво шевелил губами, прикидывая ситуацию и так, и эдак, наконец решительно поднял лицо и твердо сказал:

– Микулка...

9.

Закат пламенел буйным заревом, погружая солнце в густую пелену туч, но над головой небо отливало кристальной чистотой, а жаркие звезды зажигались в нем словно уголья костра. Микулка брел через лес, шуршал по редким опавшим листьям, быстро спускаясь к избе, ноги осторожно ступали по травянистому склону. Тяжкая, еще по живому теплая туша красавца-оленья ощутимо давила плечи. Сапоги повлажнели от теплой вечерней росы, рука для надежности ухватывала стволы тонких деревьев, а свет оконца, разливающий по округе тепло и уют, мелькал уже совсем рядом.

Внизу, отголоском далекой бури, шумело незримое в навалившейся тьме море, морянки молчали, видно ушли с прибрежных скал, опасаясь разыгравшихся волн. Не усидевшая в одиночестве Дива скрипнула дверью, осветив масляной плоской всю поляну у дома, позвала нетерпеливо, беспокойно, темнота отозвалась лишь потревоженным эхом.

– Эгей, Микулушка! – снова окликнула она, настороженно озираясь и прислушиваясь к каждому шороху. – Ты где?!

Не дождавшись ответа, зябко поежилась и добавила совсем тихо:

– Мне одиноко и страшно одной... Никогда раньше так не было...

– И не будет! – почти в самое девичье ухо ответил неслыш-

но подкрававшийся паренек.

Дива аж вскрикнула от неожиданности, оглянулась и строго оглядела широкоплечего витязя с головы до ног, даже кулачками в бока уперлась для грозности:

— Я тут беспокоюсь, зову, чуть не плачу, а он подкрадывается аки дикий зверь! Не соромно?

— Вот глупенькая! — нежно шепнул Микулка, скинув в траву оленью тушу. — Я же тебя люблю как...

— Ну, скажи, скажи! — уже озорно улыбнулась девушка.

Грусть и тревога в глазах мигом сменились радостным облегчением.

— Ну... Как хорошо поспать, как покушать всласть... — в тон ей улыбнулся паренек.

— До чего же ты вредный... — ласково молвила Дива обвивая руками крепкую шею. — И до чего ж я люблю тебя... Тоже словами не выразить!

Она тронула его губы своими, распущенные волосы мягко заструились по плечам, послушно играя при каждом движении.

— Устал, наверно, с охоты? Такого оленя загнать...

— Для тебя старался! — похвастал Микулка. — Телок молодой совсем, вкусный... Мне его загнать старый друг помог, я от того и задержался, что мы с ним парой слов перемолвились.

— Друг? Хотя тебе не удивляюсь, ты и на дне морском друзей сыщешь, не то что в ночном лесу. Добрый ты... Самый

лучший!

Молодой витязь подхватил жену на руки и хотел было войти в дом, как расслышал едва приметный крик, даже скорей ощущение крика.

– Слышишь? – тихонько спросил он девушку.

– Что?

– Вроде кто-то кричал человеческим голосом... Там, на полудне, у моря. Вот же незадача, волны шумят как назло!

Прибой снова грохнул о скалы, откатился, затих, и в этот миг уже явственней разнеслось над волнами и лесом:

– Микуууулаааа!

Микулка вздрогнул и опустил на землю молодую жену.

– Кто-то кличет меня! – встревожено шепнул паренек, ощутив, как отчаянно дернулось сердце. – Принеси меч из светлицы, догонишь меня у моря! Да, и света возьми, а то пока луна из-за гор выползет... Я буду у скал возле самой тропы.

Дива побледнела, как бледнеет небо перед близким рассветом, повернулась и без лишних слов скрылась в избе. Нехорошее чувство гнало вперед, не давая остановиться, подумать, поддаться тревожившим мыслям.

Шуршала прибоем блестящая галька, море бессильно плевалось шипящей пеной, еще помнило о бушующей где-то буре, но в темноте откатившихся волн пряталась тайна и Микулка силился рассмотреть, расслышать ее, присев у самой кромки подкрадывающейся воды. Дива подбежала по-

чти не слышно, только мерцающий факел высветил берег скачущим дымным светом, превратив серую гальку в тысячу искрящихся самоцветов.

– Никого не видеть... – задумчиво молвил Микулка, закидывая за спину меч – Но не могло же мне померещиться!

– Я тоже слыхала. – кивнула девушка, отдавая мужу смолистый факел вслед за оружием.

Он поднял его высоко, махнул пару раз, с гудением раскидав огненные брызги, потом не удержался и крикнул, срывая голос:

– Я тут! Коль кому-то потребен!

Факел безнадежно опустился почти к самой гальке, задымил, замерцал красным светом. И тут же в пучине мелькнула людская тень, рванулась с прибоем, прыгнула, разорвав ночь бриллиантовым блеском невиданной чешуи, волна откатилась, оставив на берегу едва живое девичье тело с хвостом вместо ног. Морянка тяжело перевернулась на спину, запутавшись в облепивших тело локонах и шепнула чуть слышно:

– Микула...

Дива подозрительно покосилась на тяжело вздымавшуюся девичью грудь.

– Я смеялась, но всерьез не думала, что у тебя и впрямь друзья есть на дне морском. Точнее подруги. Познакомил бы хоть...

– Да я морянку так близко впервые вижу! Не сойти мне с этого места! Но у этой явно беда, помоги ей, я подсвечу.

Он поднял факел к самому небу, стараясь чтоб свет не дрожал, а Дива присела рядом с морской красуньей и убрала с ее лица прилипшие волосы. Тело язвленным не было, разве что пара чешуек слетела при ударе о твердые камни.

– Она водой или воздухом дышит? – беспокойно шепнул паренек. – Может ее в море закинуть?

– Это было бы краше всего, только я не дотяну, а тебе... Погоди, надо узнать чего она хочет, не зря ведь звала тебя среди ночи.

Дива стянула с тонкой талии вышитый пояс и вымочила в соленой воде, холодные капли упали на бледный, словно луна, лоб морянки, глаза раскрылись, огляделись осмысленно, а губы шепнули гораздо тверже:

– Ты селянин Микула?

– Я и есть? А тебе что за дело?

– Мне почти ничего... А вот тебя, видать по всему, касается. Други твои попали в большую беду. Без тебя, говорят, не выбраться. Мне до людских дел нет интересу, но один из них... Витязь с длинными волосами и сладким голосом... Запал мне на сердце! Не хочу его погибели, потому и взялась помочь.

Даже сквозь прибой слышался облегченный вздох Дивы, морянка едва усмехнулась и тихо продолжила:

– Их, всех троих, полонили у Олешья, на изгибе Днепра, приковали цепями к толстым столбам, а в полдень нового дня на прикормленное место прилетит Змей. Витязи ска-

зали, что знают эту породу, сладу с ним нет никакого, никто не одолеет такого даже с оружием, а у них только голые руки. Без тебя точно загинут, больше помощи ждать неоткуда. И времени мало, лишь до полдня. Они так и говорили – полденный Змей.

– Ты точно видела только троих? – переспросил паренек. – Их было четверо, где же еще один?

– Я не знаю, не ведаю, но где бы он ни был, для них он теперь не помощник. Так и сказали, мол, на Микулку вся наша надежда.

– Но до Олешья, почитай, птичьим летом две сотни верст! – поразилась Дива. – Как туда успеть до полдня?

– Есть только один способ... – неопределенно прикрыла веки морянка. – Не для трусливых, но домчишься быстрее ветра.

– Да что бы там ни было! Дивушка, любимая моя, собирайся в дорогу, прибери все что нужно, от олени мяса отрежь, запечем как придется. Себе полушубок возьми, за Днепром ночи могут стать студенее.

– Нет! – тихо но твердо возразила морянка, широко раскрыв изумрудные очи. – Я могу взять одного. И так будет не сладко.

Микулка опешил, чуть факел не выронил.

– Это что же доля со мной такие шутки играет? – зло глянул он в сторону шипящего моря. – И седмицы не минуло, как остался с женой, а тут вновь лихо приключилось, с ко-

торым без меня не справляются. Не свет же клином на мне сошелся! Что за беда...

– Не кручинься, милый, – Дива нежно тронула рыжий локон. – Этим гордиться надо, а не кручиниться. Жизнь многих людей не стоит съеденной ими пищи, а ты всегда нужен, всегда в чести. Потому, что никогда никому не отказывал в помощи. Был бы другим, я может на тебя и не глянула бы... А так нет в целом свете милее! Ступай, выручай друзей. Они ведь не отвернулись, когда мне помощь неожиданно потребовалась, хоть я им не родная. Погоди только, еды принесу, мигом обернусь туда и обратно!

Она пробежала по камушкам и скрылась в лесу, только белое платье пару раз мелькнуло сквозь частокол черных деревьев. Микулка с хрустом воткнул факел в прибрежную гальку, раскидав хвостатые огоньки смоляных капель и морянка с интересом взглянула на присевшего рядом рыжеволосого витязя.

– Меня кличут Певуньей. – неожиданно сказала она.

– А мне что за дело? Кажи лучше, каким чином ты можешь меня перенести через две сотни верст?

– Что, испугался?

– Делать мне нечего... Я уж такого видал, что испугаюсь едва ли! Любопытно просто. Не на себе ведь потащишь? А то мне Дива даст...

– Витязь, а девку боишься. – тихонько хохотнула морянка.

– Сама ты девка! Она мне жена, понимаешь? И не хочу

сердить ее бестолку. Вот и весь сказ. Говори, как до Олешья поедem!

— Ну... Чем сто раз услышать, лучше раз поглядеть. Снеси меня в воду, пока жена не видит, а то ведь и сама не утащит, и тебе не позволит чужих девок тягать. Так и высохну тут.

Микулка фыркнул надменно, подхватив теплое девичье тело, ее тонкие руки обвили шею нежно и ласково, запах бездонных глубин непривычно щекотнул ноздри. Он зашел в воду по пояс, морянка нехотя оттолкнулась, и схлынувшая волна мигom вынесла ее далеко в море, витязь выскочил из щекочущей пены куда резче чем хотелось, вгляделся в темноту, выискивая среди деревьев знакомое платье.

Дива легким ветерком спустилась к морю, босые ноги так и мелькали от скорого бега, перескакивая травянистые кочки, горящая вязанка лучин широко раскидала лесные тени. Напоминанием дальней дороги болтался в свободной руке туго набитый мешок.

Она подошла близко-близко... Соленый ветер бросил кончики густых черных прядей на Микулкины плечи, губы силились что-то сказать, но выползающая из-за гор луна только заискрила глаза жемчугом слез. Два ручейка пробиили себе дорожки по нежной коже румяных щек, наполнились, уронили капли в соленую теплую гальку.

— Не плачь... — дрогнувшим голосом вымолвил паренек. — Волхвы говорят, что от слез на щеках морщины...

— Это у мужчин! — отмахнулась она. — Если бы от наших

слез бывали морщины, то у всех девок лица были бы хуже моченых яблок. Ох, Микулушка... Возвращайся скорее! Не смогу я без тебя... Закручинюсь, увяну... Обещай, что вернешься!

– Да разве смогу не вернуться к тебе?! Меня и смерть остановит едва ли! Не помру, пока не увижу вновь твоих нежных глаз.

– А если и помрешь, – едва слышно шепнула Дива. – Я тебя отыщу и в вирые... Ты мой, от клятвы пред Лелей и во веки веков. Только помни, что ни на одного смертного живая вода не действует дважды. Раз оставил Старуху ни с чем, второй раз не получится. Язык не повернется просить, чтоб берег себя, но помни, что я тебя жду.

Микулка крепко сжал ее пальцы, коснулся губами горячих от волнения губ. Мешок лег поверх перевязи меча, а окрепший голос крикнул, споря с прибором:

– Эй, Певунья! Неси меня куда нужно!

И уже много тише добавил:

– Прощанье сил отнимает не меньше чем битва. Словно сердце рвут на куски...

– Так и есть, – грустно улыбнулась девушка. – Часть сердца оставляешь со мной, но и от моего отрываешь с кровью...

Морянка мелькнула в буруне тонкой пены.

– Ну что, витязь, готов к дороге? Только ничего не пугайся! – выкрикнула она, пытаясь перекрычать шипящий и бьющий прибор.

Море откатилось больше обычного, прибой стих, припал как пугливый щенок. Крутые волны вдруг сникли, превратившись в едва заметную рябь и тут же выплеснули из себя высоченный фонтан черной воды и гудящей пены. Мельчайшие брызги словно долетели до самых звезд, завернулись в лунном сиянии семицветьем радуги.

Посреди фонтана стал на хвост огромный Кит-Рыба, сверкнул алыми глазищами и тут же повалился обратно, расплескав море чуть не до самого дна. Микулка отшатнулся, прикрыв собой Диву, рука заученно рванула дремавший булат из тесного плена ножен.

– Ты пошто мечом махаешь зазря? – залиvistо рассмеялась Певунья. – Это все равно как на кобылу с булатом кидаться...

– Хочешь сказать, я на ЭТОМ поеду?

– Неа... На нем никак. Вода сметет тебя быстротою движения. Внутри поедешь!

– Внутри? – Микулка почувствовал, что волосы на затылке вздыбились рыжей гривой. – В брюхе, что ли?

– Не так глубоко. В пасти. Для храброго витязя меж зубов самое место! Ты не бойсь, скотинка моя знает что делать. Просто в воду зайди. И меч обратно засунь!

Паренек втиснул меч в ножны и как во сне шагнул в смоляные волны, под которыми, он знал, притаилось огромное чудище. Все тело дрожало как лист на ветру, по коже прокатывались то волны жара, то ледяной холод, ноги снова вы-

мокли от воды, а рубаха от липкого пота. Глубже, глубже... Он весь напрягся как тетива на разрывчатом луке, каждый миг ожидая напрыгивающую из глубины тварь. Впервые в жизни страх оказался сильнее его, жуткий, приковывающий на месте – страх перед затаившимся зверем, перед неизвестностью.

Шаг, еще один... Покатая галька скользила под вчетверо прошитой кожей подошвы, колени отказывались держать тяжесть тела, но взгляд жены за спиной не давал выказать пронзивший тело ужас.

Дно мелко дрогнуло, поползло, словно стекая в зиявшую впереди бездну, вода упруго ударила в тело, пытаясь сорвать мешок и одежду дрожащей струей. Микулка зажмурил глаза, расслышав испуганный вскрик за спиной, вдохнул поглубже и его сорвало, закрутило немислимой силой, потянуло куда-то. Грудь загорелась желанием вдоха, в глазах разбежалось разноцветье кругов, паренек не удержался и вдохнул, тут же закашлявшись от смрадного духа. Глаза широко раскрылись, но глубокая тьма не давала взору проникнуть дальше дрожащих ресниц, руки пытались схватиться хотя бы за что-то, но только скользили по липкой слизи. Наконец пальцы нащупали гладкую твердь – огромный, в половину роста изогнутый шип и только проведя рукой по частоколу таких же кольев, Микулка понял, что это зубы. Он снова передернулся от жуткой вони и уселся на огромный шершавый язык, дрожавший частыми ударами огромного сердца.

Невозможно было представить на какой глубине и с какой быстротой необычный скакун мчит его к цели, но движение чувствовалось отчетливо, пытаясь вывернуть желудок рывками и головокружительными переворотами. Уши то закладывало, то отпускало, а грудь с жадностью впитывала каждый глоток трудно достижимого воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.